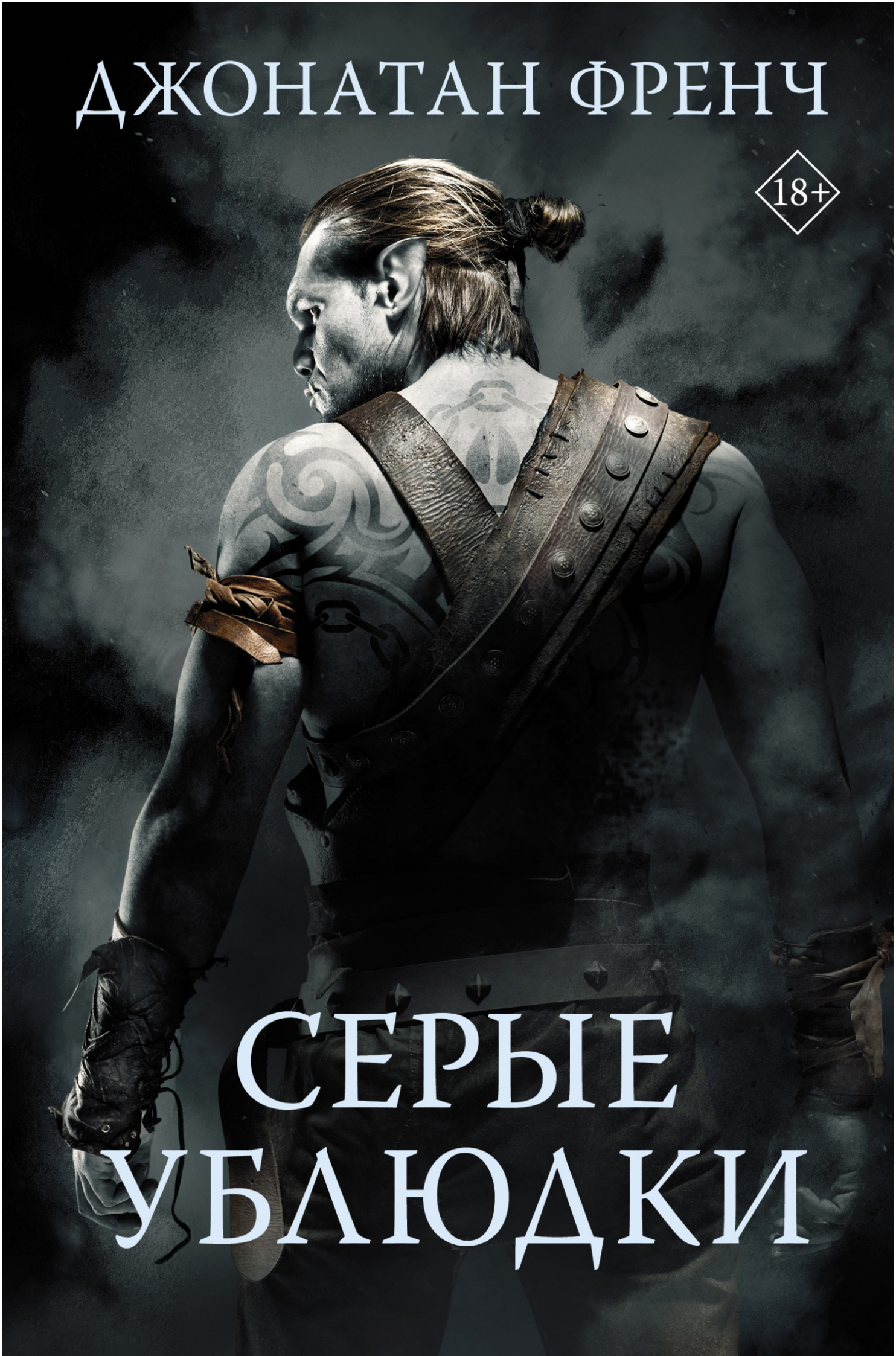
ДЖОНАТАН ФРЕНЧ

18+



СЕРЫЕ УБЛЮДКИ

The Lot Lands

Джонатан Френч

Серые ублюдки

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Сое)-44

Френч Д.

Серые ублюдки / Д. Френч — «Издательство АСТ», 2015 — (The Lot Lands)

ISBN 978-5-17-100633-4

Живи в седле, умри на свине! Таково кредо полуорков, населяющих пустынные земли Уделья. Бывшие рабы, объединившись в сплоченные братства, патрулируют территорию своей раздираемой междоусобицами страны верхом на огромных боевых свиньях. Братства отважных полуорков – единственная преграда между декадентским сердцем благородной Гиспарты и мародерствующими бандами чистокровных орков. Молодой, честолюбивый и хитроумный воин по кличке Шакал путешествует вместе с Серыми ублюдками – членами одного из восьми братств, обитающих в суровой пустоши. Шакал мечтает свергнуть вождя Ублюдков, который все больше превращается в безумного тирана. Среди союзников молодого бунтаря – полукровка Овес, в ком крови орков больше, чем человеческой, и Ублажка, единственная женщина во всех братствах, воюющая наравне с мужчинами. Однако планы Шакала грозит нарушить предательство невидимого врага и неожиданное препятствие в виде эльфийки, с некоторых пор путешествующей с ним в одном седле. Шакалу предстоит сделать трудный выбор – в мире, который вознаграждает только порочных.

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-100633-4

© Френч Д., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 15
Глава 3 24
Глава 4 31
Глава 5 37
Глава 6 43
Глава 7 49
Глава 8 56
Глава 9 62
Глава 10 71
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Джонатан Френч
Серые ублюдки

Jonathan French
THE GREY BASTARDS

© А. Агеев, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Роб, это тебе, брат. Сам знаешь почему, черт возьми.

Глава 1

Шакал думал разбудить девок, чтобы еще с ними покувыркаться, когда через тонкие стены борделя услышал, как его зовет Овес. Сквозь щели в ветхих ставнях пробивался противный свет раннего солнца. Шакал спрыгнул с кровати, смахнув опутавшие его конечности шлюх и остатки винного тумана, что застилал ему рассудок. Новенькая спала как ни в чем не бывало, но Делия недовольно застонала и, приподняв с подушек взъерошенные рыжие локоны, щурилась на него с неприкрытым неодобрением.

– Какого хрена, Шак? – отозвалась она.

Тихонько усмехнувшись, Шакал влез в штаны.

– Миска каши зовет. Здоровенная.

Делия закатила сонные глаза.

– Скажи этому трикрату заткнуться. А сам возвращайся в кровать.

– Я бы так и сделал, если бы мог, милая, – ответил Шакал, усаживаясь на постель, чтобы натянуть ботинки. – Так бы и сделал.

Он встал, едва пальцы Делии принялись ласкать ему спину. Не утруждаясь поисками своего бриганта, Шакал выхватил ремень из-под разбросанной по полу женской одежды, надел его и поправил кольчугу. Он чувствовал, что Делия не сводит с него глаз.

– Черт возьми, а ты ничего для полукровки! – заметила она. Сна у нее не осталось ни в одном глазу – его сменил острый голодный взгляд.

Собирая волосы сзади и связывая их кожаным ремешком, Шакал намеренно выгнулся, подыгрывая ей. Затем, подмигнув Делии на прощание, распахнул дверь и спешно покинул комнату.

Тусклый коридор, совершенно пустой, казалось, пытался удержать бледный покой рассвета. Шакал прошел по нему в общую комнату и, не сбавляя шага, обогнул щербатые столы и перевернутые стулья. О ночных гуляньях напоминал лишь кислый запах пролитого вина и пота. Дверь наружу была приоткрыта, и сквозь проем уже проникал яркий свет, предвещая жаркий день. Шакал выступил навстречу утру, стиснув челюсти и зажмурившись от нахлынувшего солнца.

Овес стоял у колодца посередине двора, и его мускулистая широкая спина блестела от воды. Шакал подошел к нему и встал подле друга.

– Случилось что?

Овес слегка приподнял подбородок и указал лопатообразной бородой на пыльную дорожку, которая вела от борделя. Шакал проследил за его взглядом и увидел, что вдали, приближаясь, мерцали силуэты коней. Приложив руку ко лбу, чтобы заслонить глаза от солнца, он присмотрелся к наездникам и, разглядев их, испытал облечение.

– Это не лошаки.

– Не они, – согласился Овес. – Кавалерия.

Шакал немного расслабился. С людьми-то они могли справиться. А окажись те кентаврами – это значило бы для них верную смерть.

– Игнасио? – проговорил он задумчиво. – Клянусь, этот старый рябой пропойца из самой кастили чует запах денег, что ему тут заплатят.

Друг ничего не ответил, все еще разглядывая, сдвинув брови, подступающую кавалькаду. Шакал насчитал восьмерых, и у одного было знамя, на котором, без сомнения, красовался герб короля Гиспарты. В Уделье, впрочем, этот развевающийся кусок шелка мало что значил, поэтому Шакал присмотрелся к мужчине, который скакал впереди всех.

– Это Бермудо, – сказал Овес за секунду до того как Шакал сам разглядел капитана в пыли.

– Черт.

Шакал поймал себя на том, что жалеет об оставленном у Делии под кроватью арбалете. А глянув на друга, заметил, что Овес стоит совершенно безоружный, все еще сжимая в массивных руках ведро с водой. С другой стороны, зачастую один вид такого бугая отбивал всякое желание вступать с ним в бой. Как говаривали у них в копыте, у Овса даже в дерьме были мышцы.

Хотя Шакал отнюдь не был недомерком, его друг возвышался над ним на целую голову. Бритый наголо, с пепельного цвета кожей, жилистым телом и торчащими нижними клыками, Овес мог бы сойти за чистокровного орка, если б не татуировки Ублюдка, украшавшие его мощные руки и спину. Полукровку в нем выдавала только борода – ее Шакал от своей человеческой половины не унаследовал.

Когда всадники обступили колодец, Шакал ухмыльнулся. Он хоть и не толстяк, но все же достаточно крупный, чтобы заставить этих человеческих щенков оробеть. Опрятные багровые кушаки, начищенные до блеска шлемы и дерзкие лица выдавали в них новобранцев. Очевидно, усы были в моде при дворах Гиспарты: у всех с верхней губы свисал пух в форме подковы. У всех, кроме Бермудо. С длинным носом и коротко стриженными волосами, он напоминал одного из давно умерших тиранов, которых изображали на старых имперских монетах.

Он не спеша осмотрел двор, задержав взгляд на конюшне, которую Санчо обустроил для гостей.

Шакал приветственно задрал подбородок.

– Бермудо. Вижу, объезжаешь новых ребят. Они что, хотят убедиться, что в пустошах еще можно найти себе щелку?

– Ваших тут сколько, Ублюдков? – Бермудо задал вопрос небрежно, почти лениво, но Шакал заметил его беспокойство.

– Мы здесь не затем, чтобы устроить вам засаду, капитан.

– Это не ответ.

– Разве?

Бермудо обернулся, поймал взгляд одного из всадников и ткнул пальцем в сторону конюшни. Кавалеро замешкался.

– Иди проверь конюшню, – проговорил Бермудо таким тоном, словно наставлял умственно отсталого ребенка.

Юнец встрепенулся и, пришпорив лошадь, двинулся к западной стороне двора. Его компаньоны следили за ним. Шакал же следил за ними. У каждого было короткое копье и круглый стальной щит, а чешуйчатые рубахи обеспечивали им лучшую защиту. Пятеро сидели в напряжении – было заметно, как нервно они держат натянутые поводья. Но последний, будто томясь от скуки, делано зевнул. Получивший поручение кавалеро спешился, привязал лошадь к столбу и шагнул в конюшню. Мгновение спустя дворовой, работавший у Санчо, неуверенно вышел оттуда на свет. Кавалеро показался следом.

– Три свина и пара мулов в упряжи, – доложил он, вернувшись.

– На упряжи приехали трое шахтеров, – сообщил Бермудо Шакал. – Из Тредрия, по-моему. Они тоже не собираются устраивать вам засаду.

– Не собираются, – сказал Бермудо. – У них разрешение на изыскания в Амфорских горах. Это я знаю, потому что сам им его выписал. А вот у вас такого разрешения нет.

Шакал с благоговением посмотрел на безоблачное небо.

– Овес, разве дом Санчо переместился на Амфоры, пока мы спали?

– Горы что-то совсем просели, – ответил Овес. – Теперь их и не заметишь.

Бермудо было не до шуток.

– Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю.

– Понимаем, – согласился Шакал. – И вы тоже чертовски хорошо знаете, что капитан Игнасио позволил нам здесь находиться.

– Он сам вам это сказал, когда уходил отсюда вчера?

– Игнасио вчера здесь не было, – процедил Овес сквозь зубы.

Это была правда, однако Шакалу не хотелось так просто все выдавать. Капитаны ненавидели друг друга, но это еще не объясняло, почему Бермудо цеплялся за имя Игнасио, словно за наживку. А также не объясняло, зачем он сам прискакал в бордель. Благородный капитан не пользовался девками Санчо и вообще редко оказывался так далеко от кастили.

Шакал подкинул ему наживку посвежее.

– Не смеем вас задерживать, заходите. Вам наверняка не терпится сбросить напряжение.

Бермудо фыркнул.

– Смотрите, люди, – проговорил он, пристально глядя на Шакала и Овса, но в то же время их игнорируя – как умеет делать только человек и только благородного происхождения. – Пара ездоков-полукровок. Из копыта Серых ублюдков. Вы сможете отличить их по отвратительным отметинам на теле. Некоторых можно узнать по нелепым именам. Несмотря на то что у них есть свои уделы, они думают, что им принадлежат все земли, поэтому их можно встретить и там, где их быть не должно. Как в этом заведении, где они нагло пренебрегают тем фактом, что оно расположено на земле Короны. В таких случаях в вашей власти – прогнать их. Хотя зачастую лучше позволить им насытиться и двигаться дальше. Это не пара кобелей, похотливых полуорков ведром воды не прогонишь. Они… рабы своей низменной природы.

Шакал проигнорировал оскорбления. Он посмотрел за спину Бермудо, улыбнувшись кавалеро, выстроившимся за капитаном в ряд.

– Мы правда любим шлюх. Ой, прошу прощения. Мы находим радость в том, чтобы проводить время в склонной к подобным утехам компании. Кажется, так изъясняются у вас на севере. Как бы то ни было, Санчо и его девушки всегда проявляют гостеприимство.

Бермудо скривил рот от отвращения, и тогда заговорил зевающий кавалеро, чьи губы вытянулись в довольную усмешку.

– Я бы никогда не заплатил за женщину, готовую лечь с полуорком.

– Тогда можешь трахнуть свою лошадь, – пророкотал Овес.

У новичка-кавалеро округлились глаза, а Шакал только улыбнулся.

– Он прав. Во всем Уделье ты не найдешь шлюху, которую мы не попортили. И я уверен, они возьмут монету и у тебя, но не расстраивайся, парень, если они не заметят, когда твой розовый отросточек окажется у них внутри.

Молодой мужчина весь ощетинился. Приглядевшись к нему, Шакал увидел, что его усы не смогли скрыть заячьей губы. Остальные шестеро неуверенно смотрели в затылок Бермудо, ожидая его указаний. Шлем капитана висел у него на седле, и у Бермудо не было копья, но рука сама собой потянулась к рукояти меча.

– Затеешь беду, – проговорил Бермудо, посуровев, – и я протащу тебя за лошадью до твоего удела. И плевать, о чем ты там договорился с Игнасио, будь он проклят.

Шакал сунул большие пальцы за пояс, поближе к своему клинку. Он умел держать позу не хуже капитана.

– Здесь никто не ссорится.

– Если только вы не начнете, – вставил Овес.

Бермудо бегал глазами от Шакала к Овсу и обратно. Действительно ли он думал пролить кровь? Неужели этот самонадеянный засранец был готов рискнуть, устроив бой, лишь бы сохранить лицо перед кучкой вельможных отщепенцев, которые восседали в новых седлах и тешились влажными мечтами о героизме?

Бермудо выпятил челюсть, проглотил свою гордость, но прежде чем он успел принять решение, Заячья Губа подошел к колодцу.

– Эй ты, – обратился он Овсу, указывая копьем. – Наполни-ка корыто.

Шакал презрительно фыркнул, увидев, как по толпе новобранцев прокатилась волна шепота и все взгляды их устремились на дерзкого товарища.

Бермудо смотрел на него с предостережением.

– Кавалеро Гарсия…

Юнец только отмахнулся.

– Все в порядке, капитан. У моего отца на вилле прислуживают полуорки. Их нужно держать в руках, не то станут упрямиться. Эти двое, как видно, забыли о дисциплине. Но этот недостаток смирения быстро устраняется. Все зависит от того, как с ними обращаться. – Он лениво посмотрел на Овса. – Я же велел наполнить корыто. К корыту, полукровка!

Шакал услышал напряженный треск дерева, и у Овса побледнели костяшки пальцев, которыми он сжимал ведро. До кровопролития оставались считаные мгновения.

– Вам нужно приструнить вашего новичка, капитан, – сказал Шакал, и это не было предложением. – Он, наверное, не знает, что способен сделать с человеком разъяренный трикрат.

Надменный вид Бермудо понемногу сходил на нет. Как и Шакал, капитан видел, что дело худо. Но стиснул зубы и оставил неподчинение без внимания.

Черт.

Делать было нечего. Осталось выбрать, чьей именно крови пролиться и в каких количествах.

– Итак, капитан, – проговорил Шакал, – что же этот щегол наделал, чтобы его сюда погнали? В карты проигрался? Или нет, Овес угадал, да? Его застали с лучшим жеребцом его папки. Он скакал на нем без седла. Прямо в конюшне.

Напыщенный кавалеро ударил древком копья Шакала в лицо. Ударил так небрежно и лениво, что у Шакала было вдоволь времени, чтобы этого избежать, но он позволил удару достичь цели. Боль застила ему глаза, и он отступил на шаг, прижав руку к пульсирующему носу. Услышал, как Овес недовольно пробурчал, но вслепую протянул свободную руку и положил ее другу на плечо, не давая совершить возмездие. Сплюнув, Шакал подождал, пока у него прояснится в голове, прежде чем выпрямить спину.

– Будешь держать язык за зубами, – сказал ему кавалеро Гарсия. – Еще раз заговоришь так дерзко, я тебя высеку во имя короля.

Шакал посмотрел на Бермудо и увидел по его лицу, что тот явно нервничает. Но в то же время в нем читалось удовлетворение.

– Короля? – переспросил Шакал, всасывая последнюю каплю крови с губ. – Овес, а ты знаешь имя короля?

– Какой-то там Первый, – ответил Овес.

Шакал покачал головой.

– Нет, тот умер. Его зовут Какой-то там Жирный.

– Да ну, непохоже, – Овес с сомнением покосился на друга.

– Ах вы дряни грязнокожие! – завопил Гарсия.

Шакал не обратил на него внимания, широко раскинув руки в притворном замешательстве.

– Никак его имя не запомним. В любом случае этот набитый мешок дерьма рожден в кровосмешении, женится на двоюродных сестрах и трахает родных, а мальчики лепят ему пиявок на его крошечный отросток.

В этот раз Шакал поймал копье Гарсии, когда тот им замахнулся, и с его помощью стащил кавалеро с лошади, дернув так, чтобы тот при падении ударился о крышу колодца. Лошадь с ржанием шарахнулась в сторону. Гарсия шлепнулся в грязь и, пытаясь подняться, забарахтался в бессловесной ярости. Шакал схватил кавалеро за плащ, натянул его юнцу на голову и через пыльную одежду залепил кулаком в лицо. Юнец завалился плашмя.

Лошади с возмущением заартачились, но потрясенные всадники сидели неподвижно. Бермудо заметно побледнел.

Шакал указал рукой на лежащего Гарсию.

– Полагаю, это неплохой урок для ваших девственников, капитан. Согласны?

Бермудо не был дураком. Он понял, какой ему предоставляют шанс. И коротко кивнув, принял его.

Гарсия, однако, еще находился в сознании. И он не был столь же мудр, как Бермудо. Поднявшись, он стянул плащ с головы и открыл свой окровавленный и ядовитый рот.

– Капитан, – выпалил он, тряся обвиняющим перстом между Шакалом и Овсом. – Я требую, чтобы этих двоих доставили в кастиль и повесили.

Шакал рассмеялся.

– Повесили? Ты же не умер, хиляк. Ну, обменялись мы оскорблениями, ты сломал мне нос, я тебе выбил зубы. А сейчас иди в дом, поерзай там своим стручком и все забудь.

Гарсия был глух к здравому смыслу. Его мстительный взгляд переместился на Бермудо.

– Капитан? – Он произнес звание так, что оно прозвучало далеко не уважительным, как подобает при обращении к старшему, образом.

Шакал и Овес обменялись взглядами. Что бы это значило? Кавалеро и члены копыта вступали в драку определенно не в первый раз. И у дома Санчо такое случалось чаще, чем где бы то ни было. Пора было всем оттуда убираться.

На верхней губе Бермудо блестела жемчужина пота. Он выглядел изможденным, обдумывая перспективу, не сулящую ничего хорошего.

– Бермудо… – Шакал попытался завладеть его вниманием, но его заглушил Гарсия.

– Ты останешься томиться здесь навечно, капитан!

Это была угроза. И в этот момент Бермудо сделал выбор.

– Взять их! – скомандовал он.

Бермудо уже вытаскивал меч, но не успел он оголить лезвие и наполовину, как ему в лоб прилетело ведро. Овес метнул его с такой силой, что оттуда не пролилось ни капли, пока оно не врезалось капитану в череп. Тот выпал из седла, потеряв сознание раньше, чем коснулся пыли, которой был устлан двор.

Шакал пнул Гарсию под подбородок, и тот растянулся на земле, не успев даже визгнуть. Остальные всадники, вместо того чтобы устрашиться насилия против товарища, лишь укрепились в своем мужестве и все шестеро подняли копья. Шакал вынул меч и одним движением швырнул его Овсу, при этом держа копье Гарсии и направляя его навстречу атакующим.

Прежде чем кавалеро успели подстегнуть лошадей, им пришлось вскинуть головы и резко округлить глаза. Сверху, из-за спины Шакала раздался голос:

– Хорошо подумали, евнухи языкастые?

Шакал улыбнулся. Голос был грозный, раздраженный и знакомый. Кавалеро, дружно разинув рты, опустили копья.

– Очень вовремя, Блажка! – крикнул Шакал через плечо. И злорадно усмехнулся всадникам, прежде чем повернуться. Мгновение спустя челюсть отвисла у него самого.

Ублажка стояла на крыше борделя, держа в каждой руке по арбалету – оба были заряжены и нацелены на всадников. Сама она была совершенно голая.

– У тебя кровь, Шак.

Шакал с усилием хмыкнул и ответил кивком. Он знал Ублажку с детства, но теперь они уже давно не были детьми.

Ее бледно-зеленая плоть была безупречной, лишенной тех пепельно-серых тонов, свойственных большинству полуорков, и гладкой, за исключением тех мест, где пульсировали мышцы или располагались складки. Распущенные темно-каштановые локоны ниспадали на стройные плечи. Она держала тяжелые арбалеты уверенно, наконечники стрел были непо-

движны. Зрелище было впечатляющим. И судя по ошеломленной тишине за спиной у Шакала, кавалеро тоже так считали.

Смышленая Блажка – всегда использует все свои преимущества, даже если они не слишком и нужны.

– У тебя кровь, – повторила Блажка, – и меня разбудили слишком рано. Кто-то должен должен за это ответить.

Гарсия, которому удалось доковылять до своих товарищей, указал на них дрожащим пальцем.

– Вы грязные пепломазые! – проголосил он распухшими губами. – Все будете болтаться на виселице! Взять их, ребята! Взять их!

– Этот, – буркнул Овес.

– Этот, – подтвердила Блажка и выстрелила Гарсии в глаз.

Тот грохнулся навзничь, в левой глазнице распустились перья стрелы. Кавалеро, рассыпаясь в проклятиях, пытались удержать испуганных лошадей.

– У меня есть еще стрела, – объявила Блажка. – Кто хочет?

Добровольцев не оказалось.

Шакал повернулся к кавалеро.

– Пока никто из вас не ляпнул никакой дури типа «Про это узнает мой отец!», помните: всем на вас пофиг там, на севере, в той цивилизованной жемчужинке, которую вы называете домом. Иначе вы бы здесь не оказались.

Шакал окинул каждого серьезным взглядом, подметив тех, кто отвел глаза.

– Кто вы там – третьи, четвертые сыновья? Как минимум один из вас наверняка ублюдок. Вас всех забросили сюда, чтобы забыть. Чтобы вы патрулировали границы да приглядывали за орками. Здесь у вас нет никакого положения и никаких привилегий. – Шакал швырнул копье Гарсии на его труп. – Он об этом забыл. Не повторяйте его ошибки. Если хотите пережить свою первую стычку с тяжаками, вам лучше начать с того, чтобы подобрее смотреть на нас, полуорков. Мы – те, кто вас оберегает. Бермудо прав. Мы считаем эту землю нашей собственностью. И не мы одни. Орки называют эту землю Уль-вундулас. Они думают, что это их земля. Вы не докажете им обратного, если будете считать, что вы лучше, чем они. Ваши отцы вам здесь не помогут. Король, как бы его ни звали, тоже не поможет. Только мы, полукровки, можем помочь. Добро пожаловать в Уделье.

И отступив назад, Шакал кивнул Овсу. Бугай поднял с земли, словно ребенка, бесчувственное тело капитана Бермудо.

– Тебе хватило всего ведра воды, Мудо, – произнес он и перекинул его через спину лошади. Затем вручил поводья одному из кавалеро.

– Доставьте его в кастиль, – сказал им Шакал. – Скажите капитану Игнасио, что кавалеро Гарсия не подчинился приказам Бермудо и ударил его. А потом ускакал, чтобы избежать наказания, и в последний раз его видели на территории кентавров. Серые ублюдки вызвались отправиться на его поиски. Но мы не уверены, что сможем его найти. Когда Бермудо придет в себя, он будет рад запомнить все именно так. Все вы будете. Если только не хотите войны с копытами полуорков.

Ему никто не ответил. Все присмирели и побледнели.

– В этом месте вы все должны кивнуть! – прокричала Блажка с крыши.

Все шлемы, как один, качнулись вверх-вниз.

Шакал указал рукой на тропу. Уже через считаные минуты кавалькада превратилась в мерцающее пятно на горизонте.

Шакал заметил, что Овес пристально смотрит на него, качая головой.

– Что?

– Прекрасная речь, принц Шакал.

– Сосни свиную титьку, Овес.

Шакал ощупывал свой нос, когда Блажка спрыгнула с крыши, спружинив разработанными мышцами своих длинных ног.

– В следующий раз, когда выйдешь выступать перед хиляками, не забудь свое тренчало, – сказала она, бросая Шакалу стреляный арбалет.

– А ты, когда в следующий раз придешь нас спасать, не забудь во что-нибудь одеться, – парировал он, указывая рукой на ее срам.

– Подлизни мне, Шак!

– Разве девка Санчо этого еще не сделала?

– Сделала, – ответила Блажка, поворачиваясь к нему спиной, чтобы двинуться к двери борделя. – Но, как и все шлюхи, она бы предпочла, чтобы ее голова оказалась между твоих ног, Шак.

Шакал бесстыже пялился на ямочки над задом Блажка, пока та не исчезла в тени борделя.

Тумак по затылку от Овса привел его в чувство.

– Нужно возвращаться.

Шакал потер подбородок.

– Знаю. Посмотри, как там свины.

Прежде чем Овес успел двинуться к конюшне, та же дверь, за которой только что скрылась Блажка, извергла владельца борделя. Приятная припухлость у Шакала в паху тотчас опала.

Протиснув в проем свое тучное тело, Санчо тяжело шагнул во двор. Его маленькие губы вытянулись в овал бесполезной тревоги. Редкие волосики, что тянулись у него липким пятном поперек головы, все пропитались потом. Санчо глянул на труп кавалеро и медленно покачал головой, отчего плохо выбритые щеки задрожали.

– Мне конец.

– Только не говори мне, что это первый, кто здесь помер, Санчо, – фыркнул Шакал.

– Первый кавалеро! – ответил толстяк сдавленным голосом. – И даже не из простолюдинов Игнасио, а долбаный голубокровный! Что вы наделали?

– Уберегли тебя от проблемного клиента, – сказал ему Шакал. – Честное слово, этот говнюк стал бы бить твоих девок.

– С этим я бы как-нибудь справился! Но когда на тебе труп изгнанного дворянина – это уладить не так просто!

– Да ладно. Позови Месителя. – Шакал указал на распростертое тело Гарсии. – Пусть избавится от нашего покойного друга.

При упоминании этого имени огромное влажное лицо бордельщика побледнело.

– Они с нашим вождем понимают друг друга, – добавил Шакал, прежде чем ужас Санчо набрал полную силу.

– Ты уверен, что хочешь его впутывать? – вставил Овес. На его бородатом лице проступила тревога. Шакал не понял, кого его друг имел в виду – их вождя или Месителя, но уточнять не стал. Это был выход.

Он принялся наставлять Санчо.

– Отправь птицу. Когда он сюда придет, отдай ему тело и лошадь. Скажи, что это от Серых ублюдков.

– А мне что? – спросил Санчо с вызовом. – Что я получу за посредничество?

Шакал сделал глубокий вдох.

– А чего ты хочешь?

– Сам знаешь, – ответил Санчо.

– Знаю, – согласился Шакал. – Ладно. Я скажу вождю.

Бордельщик мгновение смотрел на него, потом кивнул. И, бросив последний неприязненный взгляд на кавалеро, Санчо проковылял внутрь.

Овес стиснул зубы.

– Ваятелю это не понравится.

– Дни, когда мы старались делать то, что ему нравится, почти сочтены, так что пускай привыкает, – ответил Шакал, тяжело выдыхая через ноздри. – Готовь свиней.

Глава 2

Солнце еще не подошло к зениту, а день уже был жарким. Шакал ехал впереди, двигаясь в быстром темпе, чтобы воздух обветривал кожу. Очажок хорошо отдохнул и рвался вперед. Шакал не сдерживал свина и только сжимал одной рукой щетину его гривы. Поджимая пятки, полуорк обхватывал туловище Очажка бедрами и покачивался в ритм его спешного шага.

Холмистые, залитые солнцем равнины Уль-вундуласа тянулись во все стороны, валуны и сосновые кусты остались позади и только ветер шелестел в уши. Шакал пытался представить время, не столь давнее, когда еще не существовало копыт, когда полуорки были рабами, а свины, на которых они сейчас ездили, – просто вьючными животными. С тех пор прошло всего несколько десятков лет. И хотя это было не сильно раньше его рождения, представить то время Шакалу удавалось лишь с трудом. Это стало его жизнью – ездить верхом, чувствуя под собой сильного зверя, раздувающего ноздри, будто меха, и пережевывающего лиги в пыльные облака, что оставляли позади стучащие копыта.

Очажок был внушительного вида боровом, выведенным ради скоростных качеств, а всего несколько поколений назад его предки были неуклюжими животными, которых запрягали в фургоны и водяные мельницы во времена Нашествия орков. Ваятель и другие старожилы говорили, что те первые свины не знали усталости, однако вся их сила применялась для того, чтобы тянуть тяжелые грузы. Большой бородатый олений свин – так прозвали это животное люди, но рабы-полуорки, которые заботливо ухаживали за свинами, именовали их варварами.

Название прижилось, только теперь варвары в копытах полукровок стали настоящими ездовыми животными, а не рабочим скотом. Всего в три четверти роста в холке по сравнению с гиспартскими жеребцами и на более коротких ногах, они были не столь быстры на небольших расстояниях, зато несравненны в длинных переездах по пересеченной местности – благодаря исключительно компактной и эффективной мускулатуре. На их боках до плеч не было шерсти, и только вдоль спины тянулся гребень щетины, начинавшийся у гривы, которая свисала с нижней челюсти и облегала шею. Пара бивней вертикально выступала из складок длинной сужающейся морды и резко изгибалась ко лбу. Эти бивни никогда не прекращали расти, и у диких варваров пожилого возраста впивались в череп. Разумным отбором удалось добиться того, чтобы бивни загибались ближе к наезднику. Они назывались свинодергами, и за них можно было ухватиться и в крайних обстоятельствах направить голову свина. Но поскольку даже одомашненный варвар сопротивлялся подобному обращению, наездник должен был обладать немалой силой. Из людей, конечно, мало кто был на это способен, так что они оставались привязаны к своим драгоценным лошадям. Хиляки на лошатах, как часто говаривал Певчий.

Другая пара бивней торчала у варваров из нижней челюсти и служила самым опасным их оружием. У Очажка эти бивни были особенно длинными, чем Шакал гордился не меньше, чем золотистой шерстью своего борова. Очажок выглядел гораздо приличнее, чем неуклюжий, грязного цвета зверь Овса, метко прозванный Уродищем.

В полдень Шакал объявил привал возле широкого сверкающего притока Люсии, чтобы отдохнуть и напоить свинов.

– В чем дело, Шак? – спросила Блажка, спешиваясь. – Делия с новенькой так осушили твои яйца, что не можешь доехать до дома без остановок?

– Мы встали не из-за меня, – ответил Шакал с улыбкой. – А чтобы Овсов жирный свин не спекся на этой жаре.

– Не слушай его, Ур, – проговорил Овес, целуя своего борова в лоб, и шлепком по крупу подтолкнул его к воде. Шумно запыхтев, Уродище присоединился к Очажку и Блажкиному безымянному свину на берегу. Их специально учили не заходить в воду, когда на них седло, но к проточной воде они присасывались со всей жадностью.

Пока варвары пили, Шакал присел рядом на корточки и смочил в реке платок. Потом, выжав его, завязал на затылке, чтобы волосы не спадали на лицо. Его бригант все еще был свернут и закреплен возле седла. По кодексу копыта нужно было скакать в доспехах, но Шакал ненавидел чувствовать на себе тяжесть брони. Однажды он старательно удалил все стальные пластины, которые были вплетены в кожу, и когда Ваятель узнал об этом, он запретил Шакалу скакать, пока тот не починит и не вычистит бригант каждому ездоку в копыте. И все же, находясь вдали от Горнила, там, где вождь его не видел, Шакал предпочитал ездить с голым торсом.

На берег упала внушительная тень Овса, и Шакал, не вставая, обернулся. Бугай никогда не ездил без бриганта. Арбалет он держал обеими руками, опустив к земле. Колчан свисал с пояса возле бедра, тальвар – с другой стороны. Овес тоже повязал платок вокруг своей лысой головы и остановился, пристально всматриваясь в воду. Блажка была экипирована так же, как он, но все же вошла в реку по колено, чтобы омыть кожу.

– Она сегодня была хороша, – заметил Овес, стараясь говорить тише.

Шакал кивнул. Обычно в копыте заслуженную похвалу высказывали открыто, но только не Блажке. Она не слишком хорошо на это реагировала. И хотя она ездила с Серыми ублюдками уже четыре года, ей по-прежнему казалось, будто ей все потворствуют. Иногда, возможно, так оно и было. Во всех восьми копытах полуорков, существовавших в Уделье, она была единственной женщиной-ездоком. Она с трудом завоевала это место и хорошо справлялась, но у нее хватало причин сомневаться в искренности добрых слов. Поэтому она не давала имени своему свину, опасаясь, что это сочтут за слабость, пусть даже так делали все. Черт, Овес назвал своего первого свина Великолепным, а Хорек до сих пор ездил на свиноматке по имени Лаванда!

– Блажка! – крикнул Шакал через реку. – Когда тронемся, дальше ты поведешь.

Блажка ответила жестом, молча подняв арбалет.

– Очень любезно с твоей стороны, – прокомментировал Овес.

– Не, – ответил Шакал, вставая и улыбаясь другу. – Просто хочу, пока едем, смотреть на ее зад.

В бороде Овса пряталась ухмылка.

– Тебе так и не терпится умереть молодым. – Оба рассмеялись. – А что это была за дичь с Бермудо? Я не мог понять, кто раздает приказы. Да он и сам не мог, как мне показалось.

– Похоже, Гарсия знал, как вытащить его из Уделья.

– Но больше не знает. – Овес хмыкнул.

Шакалу в голову пришла мысль, вмиг его отрезвившая.

– А что ты делал во дворе без оружия, Овес?

Бугай пожал плечами и, не прекращая наблюдать вокруг, ответил:

– Проснулся от жары. Вышел к колодцу попить.

– А не думал вернуться внутрь и взять тренчало? Время у тебя было.

Овес покачал головой, снова устремляя взгляд на реку.

– Это могли быть кентавры, Овес.

Трикрат отмахнулся, лишь поджав губы.

– Мы не получали предупреждения от Зирко.

– Они ездят не только при Предательской луне, полоумный ты.

– Это было днем и на земле Короны, Шак.

– Это было опрометчиво!

– Опрометчиво? – зарычал Овес, зырканув на Шакала. – А кто еще вышел без тренчала? Уж точно не Блажка.

– Нет, я вышла только без одежды, – вставила Блажка, подходя к ним. Шакал даже не слышал ее шагов. – Если вы придвинетесь друг к другу еще ближе, сможете поцеловаться.

Шакал и Овес повернули головы и уставились на нее.

– Ладно, продолжайте. – Блажка усмехнулась. – Я всегда знала, что у вас друг на друга стояк.

Шакал рассмеялся первым, и Овес наградил его таким дружеским толчком, что тот едва не свалился в реку.

– Может, уже отправимся дальше? – спросила Блажка. И не дожидаясь ответа, схватилась за свинодерг и отвела своего борова от воды. Варвар пару раз раздраженно взвизгнул, но Блажка погладила его второй рукой и вскочила в седло. Шакал и Овес оседлали своих зверей через несколько мгновений.

– Постарайся не забираться слишком далеко на восток, когда мы дойдем до Люсии, – предостерег Блажку Шакал. – Меньше всего нам сейчас нужно забрести на землю Рогов.

– Эльфов боишься, Шак? – Блажка усмехнулась и, прежде чем он успел возразить, ткнула свина пяткой и поскакала прочь от реки.

Овес фыркнул от смеха.

– Ну давай, уродище, – сказал Шакал.

Овес погладил своего борова между ушами.

– Только я могу его так называть.

– Это я тебе.

Блажка, при всей своей ветрености, хорошо прокладывала путь, ни разу не забредя на эльфийскую территорию. И все же Шакал поглядывал на восток, точно зная, что Овес, ехавший за ним, смотрит туда же.

Большая часть Уль-вундуласа была опустошена войной – тогда армии людей и орков валили здесь лес, чтобы жечь костры, строили укрепления и пополняли запасы оружия. А восстановиться за тридцать с лишним лет, что прошли с тех пор, как стихли битвы, не давали лесные пожары. Уцелевшие леса цеплялись за возвышенности и ютились в горных долинах, где бои случались редко. После войны, когда Гиспарта раздала немалую часть отвоеванного южного королевства союзникам, эльфам удалось заполучить почти все редкие лесистые участки. Таким образом они заняли обширные горные гряды. Вообще-то уделы должны были выделяться наугад, так что здесь явно не обошлось без эльфийского чародейства.

Пока Блажка вела их к югу, Шакал хмуро глядел на мрачные вершины Умбровых гор, высившихся с левой стороны. Где-то в их глубине находилось Псовое ущелье – оплот эльфийского копыта. Шакала и его друзей от хребта отделяли мили гарриги и поросших кустарником предгорий, но Рога ревностно патрулировали свои земли и могли внезапно обрушиться на любого, кто подступится даже к самым дальним их границам. К счастью, им не встретился ни один из ржавокожих дикарей на устрашающе-безмолвных сохатых.

– Это не значит, что их тут нет, – напомнил себе Шакал уже не в первый раз.

Когда с приближением сумерек Очажок пересек Отрадный брод, Шакал вздохнул с облегчением. Теперь они снова были на землях Серых ублюдков. Шакал чуть сбавил ход, пока с ним не поравнялся Овес, после чего они вместе догнали Блажку.

– Шак, – проговорил Овес, со значением поглядывая на Шакала.

– Что?

– Бригант надень, дурило, – сказала Блажка, покачав головой.

– Черт, – прошипел Шакал и потянулся за сложенными за седлом доспехами.

– Когда-нибудь мы тебе не напомним, – сказал Овес.

Бок о бок три свина рванули вперед по песчаным равнинам, почуяв запах дома.

У каждого копыта в Уделье своя крепость, где можно укрыться. У людей была кастиль с высокими башнями и чародеем. Эльфы обитали в уединенном Псовом ущелье, которое охраняли лучники и магия. Кентавры доверялись своим разрушающимся святилищам и чтили своих безумных богов.

А у Серых ублюдков было Горнило.

Когда над горизонтом показалась центральная труба, у Шакала приятно закололо в груди. Он получал величайшее удовольствие, разъезжая на своем борове, но если уж слоняться без дела, то места лучше этого для него не было.

Над широким простором равнины, усеянной кустами и валунами, возвышалось Горнило – неприглядный лагерь, окруженный почти овальной формы стеной из бледного кирпича. Впятеро выше среднего полуорка, стена наклонялась внутрь, укрепленная треугольными контрфорсами и аркбутанами и, наконец, увенчанная каменными зубцами, закрытыми деревянными решетками. Снаружи было видно только большую трубу, которая поднималась из середины лагеря.

Вокруг стен, на расстоянии полета стрелы, цвели виноградники и оливковые сады, которые возделывали поселенцы, жившие под защитой Серых ублюдков. Проезжая мимо угодий, Шакал, Овес и Блажка видели людей и полуорков, которые заканчивали свой трудовой день. Никто из них не жил в самом Горниле, но отсюда было близко до Отрадной – деревни, раскинувшейся всего в миле от крепости.

– Ладно, – сказал Овес, когда они приблизились к тени от стены, – кто ему расскажет?

– Меня он не послушает, – ответила Блажка.

– Идите на хрен вы оба, – оскалился Шакал. – Сами знаете, что я поговорю. Отдайте лучше монеты.

Овес достал позвякивающую сумку, в которой хранилась доля от прибыли борделя, принадлежавшая Серым ублюдкам. И бросил сумку Шакалу ровно в тот момент, когда они въезжали в единственные ворота Горнила на южной, короткой стороне овала.

В отличие от иных крепостей, ворота Горнила не вели прямо внутрь лагеря. Как только вошедший достигал середины ширины стены, путь перекрывала каменная кладка. Единственный вход располагался в левой стене сторожки и был достаточно широк, чтобы двое ездоков на свинах могли въехать бок о бок. Этот тоннель проходил по всей окружности основной стены, прежде чем привести к другому входу, ведущему наконец во внутренний двор. И все это для того, чтобы во время осады огромную печь посреди лагеря, в честь которой Горнило и получило свое название, можно было разжечь, а горячий воздух – направить в проход. Если противники решат не взбираться на раскаленные стены, а идти по проходу полный круг, а потом пробить ворота, они изжарятся заживо. Однако за двадцатишестилетнюю историю Горнила никто не пытался его атаковать.

Сейчас решетки над входом были подняты, а стены отдавали прохладой. Свет здесь был не нужен: свины помнили дорогу и так. Шакал и его спутники ехали гуськом, держась левой стены прохода на случай, если кто-нибудь движется навстречу. Выйдя из темноты и очутившись в лагере, они направились прямиком в зал собраний.

Шакал остановил Очажка перед невысоким строением и спешился, Овес и Блажка сделали то же самое. Там их уже ждало с полдюжины сопляков, которые едва не спотыкались друг о дружку, спеша позаботиться о свинах.

– Можно я отведу твоего в загон, Шакал? – спросил один из молодых полуорков, заискивающе и нетерпеливо, как говорили все претенденты на попадание в копыто.

– Нет, – ответил Шакал. – Пусть остынет.

– Только воды, сопляк! – прикрикнула Блажка на юношу, который подбежал к ее варвару.

Овес склонился к своему свину, уткнувшись лбом ему между глаз.

– Ладно, Ур, если кто-то из этих мелких говнюков хоть воздух всколыхнет рядом с тобой, съешь его.

Шакал толкнул дверь и провел друзей в темные объятия зала собраний. Претенденты остались снаружи. Зал, вопреки своему названию, представлял собой помещение с низким потолком, больше напоминавшее грязную таверну. Обхват и Гвоздь, уже подвыпившие, сидели, ожидая, пока придут остальные.

– Вам всем по кружке? – спросил сопляк за стойкой.

Овес и Блажка направились сразу за предложенной выпивкой, а Шакал пересек общую комнату и двинулся прямиком к комнате голосований. Двустворчатая дверь была приоткрыта, поэтому он вошел, не побеспокоив никого своим появлением.

Ваятель горбился во главе большого стола, внимательно вглядываясь в ворох карт.

Вождь был измучен старыми ранами и затяжными последствиями чумы, которой заболел во время Нашествия. От той заразы погибли десятки тысяч человек с обеих сторон, людей и орков. Полукровкам пришлось ненамного лучше. И все же Ваятель, крепкий старый говнюк, умирать не собирался. Болезнь уже не была заразной, но продолжала тлеть в нем уже почти тридцать лет, принося страдания его некогда могучему телу. У него распухли суставы, а кожа покрылась влажными гнойниками. Льняными перевязками в грязно-желтых пятнах была замотана почти вся его голова, оставались открытыми лишь глаза и рот. Горб на его искривленной спине с каждым годом становился все больше, а пальцы левой руки налились кровью так, что, казалось, могли лопнуть в любую минуту.

Шакал подавил тяжелый вздох, когда увидел Хорька, нависавшего над плечом вождя. Оба подняли глаза на вошедшего в комнату. Лицо Ваятеля под повязками оставалось непроницаемым, но Хорек алчно ухмыльнулся.

– Он вернулся! Ну что, появились у Санчо новые красотки, Шак?

– Одна, – ответил Шакал.

Хорек возбужденно вскинул брови.

– И откуда?

– Из Анвильи.

– О-о, – протянул Хорек, сузив глаза-бусины. – Наверняка бледная и сговорчивая.

– Хорош уже думать своим стручком! – отрезал Ваятель, ткнув Хорька локтем. – Садись, Шакал. Не обращай внимания на эту топорную морду.

Шакал сделал, что было велено, заняв свое привычное место через два стула слева от Ваятеля.

Стол, за которым Серые ублюдки проводили собрания, являл собой похожую на гроб махину из темного дуба. Во главе его восседал Ваятель, и по бокам от него всегда было пусто. С обеих длинных сторон стола стояло по паре десятков стульев, однако на столешнице лежало только девять топоров, по числу членов копыта, наделенных правом голоса. Шакал не помнил, чтобы за столом когда-либо были заняты все места. Когда он примкнул к Серым ублюдкам, семь лет назад, их было шестнадцать, но налеты орков, атаки кентавров и внутренние дрязги сократили их число. Условия вступления в братство были строги, и сопляков, достойных стать посвященными членами копыта, никогда не хватало, чтобы восполнить потери.

Мелочник уже был на месте – сидел ближе всех к Ваятелю, по правую руку от него. Он кивнул Шакалу, когда тот садился, но вслух ничего не сказал. Этот худощавый старик, квартирмейстер, был скуп во всем, в том числе и в словах.

Овес вошел, держа по пенистой кружке в каждой руке. Одну из них он поставил перед Шакалом и уселся рядом с ним.

– Если бы я хотел, сам бы взял, – проворчал Шакал вполголоса, принимая кружку. И уже сделал большой глоток, когда Овес ответил:

– Стало жалко выливать после того, как я вымыл в нем свои яйца.

Шакал поперхнулся напитком скорее от смеха, чем от беспокойства.

– Ты тоже так яйца полоскаешь? – спросил он, утирая пену с губ.

– Не свои. – Овес ухмыльнулся.

– Мои, Шак! – возвестил Обхват, входя в комнату. Гвоздь шел следом. – Я бы туда и хрен мокнул, но сам знаешь, он бы не влез. Эти кружки слишком узкие, чтоб вместить весь мой…

– ОБХВАТ! – Овес, Шакал, Гвоздь и Хорек подыграли старой шутке. Коренастый полуорк любил трубить о происхождении своего копытного прозвища, и это всегда вызывало смех.

Однако Ваятель даже не улыбнулся.

Обхват и Гвоздь заняли места и через весь стол поприветствовали Шакала грубыми, но добродушными жестами, и тот ответил тем же. Эта парочка, как и Шакал с Овсом, была вся в пыли после поездки.

Через несколько минут вошел Колпак и тихо сел в дальнем конце стола, подальше от остальных членов копыта. Такого Ваятель не позволял никому другому, но Колпак очень долго жил в одиночестве, и привычки были в нем слишком сильны. Вождь не хотел рисковать потерей копытного брата, вынуждая того приобщиться к товариществу.

Каждый дюйм бледной кожи Колпака, включая безволосую голову, был покрыт неровными шрамами, перемежающимися татуировками копыт, в которых он состоял в прежние годы. Бледные, сморщенные чернильные линии отмечали в нем члена Сеятелей черепов, Шквала бивней и Дребезгов, остальных Шакал не знал. Каждое из этих братств приняло Колпака в свои ряды и каждое потом прогнало его. Почему он до сих пор был жив – оставалось загадкой. Несколько лет Колпак кочевал, и никто не рисковал с ним связываться, а потом Ваятель предложил ему место среди Ублюдков. Голосов едва хватило, но копыту нужны были новые члены, а Колпак, несмотря на все свои проступки, был недурен. И теперь, спустя два года, Шакал не переставал гадать: сколько тот еще продержится.

Ваятель оглядел стол и поморщился.

– Мне что, палку туда бросить? – спросил он, указывая на дверь в общую комнату. Вопрос был адресован Шакалу и Овсу, и на них же – направлен его взгляд.

К счастью, Ублажка вошла в комнату прежде, чем кто-либо успел ответить. Она разговаривала с Медом, хотя Шакал подозревал, что слова вождя она все-таки услышала. И вероятно, намеренно ждала их, а теперь пыталась скрыть усмешку, которой все же не смогла сдержать. Быстро прекратив беседу, Ублажка и Мед заняли места на противоположных сторонах стола. Юноша, вероятно, сел бы рядом с ней, но опасался, что его увлеченность ею станет очевидней. Вопреки нескольким заключенным между Шакалом и Овсом пари, Блажка до сих пор не сломала Меду ни одной кости. Напротив, что удивительно, ей даже будто нравились его постоянные попытки проявить дружелюбие. Не считая Колпака, вечного изгоя, Мед единственный, кто вступил в копыто позже Блажки, поднявшись из сопляков только прошлой зимой. Он был молод, уверен в себе и носил прическу, которая считалась модной у Рогов, – выбривал бока и оставлял только широкую полосу, спускающуюся по центру головы, куда вставлял перья. Старшие Ублюдки смотрели на это неодобрительно, но Мед говорил на эльфийском языке, что среди полуорков было редким умением и высоко ценилось в копыте.

Когда в комнате стало тихо, Ваятель откинулся в кресле.

За его спиной висел массивный пень, прикрепленный тяжелыми цепями к потолку. По срезу тянулись бесчисленные кольца, древесина посерела от старости и была испещрена десятками острых борозд. Этими зарубками исчислялись голоса, поданные против решений Ваятеля, – их оставляли, глубоко врезая в дерево лезвия топоров. Один топор торчал до сих пор – чуть выше левого плеча Ваятеля. Он находился там уже двадцать лет.

Топор Певчего.

– Знаю, вы все устали, – начал Ваятель, – так что давайте перетрем по-быстрому. Мелочник, как у нас с запасами?

Лицо квартирмейстера помрачнело еще сильнее, когда он принялся делать подсчеты в уме.

– Провизией мы обеспечены. Но следующую партию древесины удастся получить не очень скоро.

– Сколько времени мы сможем поддерживать Горнило, если на нас нападут?

– Два дня, – ответил Мелочник. – Может, удастся растянуть на три.

Ваятель крякнул, недовольный ответом, но смирился с фактом.

– Я отправлю птицу Игнасио. Узнаю, не слышал ли он, когда ждать поставок из Гиспарты. Мед? Есть успехи с тем дерьмом из Аль-Унана?

– Лишь самые малые, вождь, – ответил Мед. – Заставить его гореть просто, но контролировать потом – чертовски тяжело. Оно горит без топлива, но поглощает все, к чему прикоснется. Салик чуть без руки не остался.

– Кто? – спросил Ваятель, давая Меду возможность исправиться.

– Один из сопляков, вождь, – ответил Мед, не моргнув и глазом. – В общем, я все еще беспокоюсь по поводу того, как этот зеленый огонь подействует на печи.

– Продолжай дальше, – сказал Ваятель и, направив на него палец, добавил: – Только не сожги к чертям мою крепость. – Затем вздернул подбородок и посмотрел сверху вниз на край стола. – Колпак? У тебя были какие-нибудь трудности с заданием?

– Нет, не было, – ответил Колпак, оторвав немигающий взгляд от столешницы лишь для того, чтобы обратиться к вождю, смотря ему в лицо.

Шакал вопросительно глянул на Овса, но тот, очевидно, тоже не знал, куда посылали Колпака. Это было не впервой, и эти загадки уже утомляли. Когда-нибудь Шакал сам объявит голосование и будет все знать, но это время еще не пришло. Он сомневался, что получит необходимую поддержку, и к тому же сейчас был очень близок к тому, чтобы схлопотать нагоняй. Он полагал, что дальше вождь перейдет к своим любимчикам, и Обхват и Гвоздь доложат об их поездке к Дребезгам, но следующий вопрос Ваятель адресовал Овсу.

– Что у нас там?

Овес дал знак Шакалу, и тот бросил мешочек с монетами на стол. Лицо Ваятеля, скрытое повязками, осталось непроницаемым, но Мелочник протянул руку и, взяв мешок, подбросил его на ладони.

– Что-то легкий.

Шакал кивнул, мысленно кляня старого скрягу.

– У Санчо в том месяце две девки заболели, а одна сбежала с каким-то гуабским торговцем. Но он взял новую, из Анвильи. Она поможет наверстать упущенное.

Ваятель наклонился к столу.

– Ты напомнил этому жирному мямле, что, если он не справится, Серые ублюдки могут решить, что его бордель больше не нужно охранять?

Шакал снова кивнул. Хотя и не напоминал Санчо ни о чем подобном. В этом не было нужды. Бордельщик давно жил в Уделье, достаточно давно, чтобы знать: патрулей кавалеро из кастили, которых становится все меньше, уже не хватает, чтобы обеспечить ему безопасность.

– Есть еще кое-что, – проскрипел Ваятель, как бы спрашивая, но без намека на вопросительный тон. Вождь метнул взгляд на Шакала, затем на Овса и Ублажку, и снова посмотрел на Шакала. – В чем же дело?

Шакал набрал воздуха в грудь. Он хотел рассказать все сам, прежде чем вождь что-то заподозрит, но от внимания Ваятеля ничто не ускользало. Несмотря на изувеченный вид, его разум оставался остер, как наконечник тренчальной стрелы. Он ждал ответа Шакала, из-под грязных повязок пристально смотрели налитые кровью глаза.

– Утром в бордель приходил Бермудо, – начал Шакал, ощущая на себе взгляды всех присутствующих за столом. – С ним было семь новых кавалеро. Думаю, встретить там нас он не ожидал. И пытался строить из себя крутого парня.

– Вот чванливый говнюк, – хихикнул Хорек.

– Он подстрекал к бою? – спросил Ваятель.

– Не он, – ответил Шакал. – Один из его новеньких пижонов пытался заставить Овса прислуживать ему. Мы ответили добрым сероублюдским обаянием, и он меня ударил. Я пода-

рил ему этот удар в ответ и дал Бермудо возможность обуздать павлина, но он этого не сделал, поэтому мы сделали все за него.

– Вы убили павлина, – беспристрастно проговорил Ваятель.

Шакал кивнул. Хорек, Гвоздь и Обхват одобрительно стукнули кулаками по столу. Это было хорошо. Шакал ощутил прилив успокоения.

– И, – продолжил он, пользуясь растущей благосклонностью, – мы лишили Бермудо сознания. Чтобы остальные кавалеро усвоили порядок вещей в Уделье.

Шакал оглядел стол, довольный тем, что Мед улыбается и даже Колпак медленно кивает со своего края.

– Что с телом?

Шакал повернулся к Ваятелю.

– Думал позвать Месителя.

Ваятель посидел молча, шевеля только моргающими веками.

– Игнасио нас поддержит, – проговорил он наконец. – Но если этот придурок Бермудо решит, что ему нужно как-то возместить…

– Не решит, – вставил Шакал. – Мы ясно ему все объяснили.

Ваятеля, казалось, это не убедило.

– А Санчо? – спросил Мелочник. – Чего этот монетный стригальщик хочет за то, чтобы было по-вашему?

Шакал встретил взгляд квартирмейстера.

– Только того, чтобы Ублюдки начали платить за шлюх. Убрать бесплатные перепихоны из нашего договора о защите.

Повязки вокруг челюстей Ваятеля набухли – он стиснул зубы. Хорек и Обхват издали звуки, выражавшие отвращение. От выражения лица Мелочника скисло бы вино.

Шакал примирительно поднял руку.

– Это соглашение все равно не могло быть вечным. Некоторые девки и так уже возмущались.

Ваятель стукнул здоровой ладонью по столу.

– Девки?! Что этот Санчо за мразь бесхребетная, если переживает о том, что себе думает кучка шлюх? Или это твое личное сочувствие, Шакал? Я знаю, ты чуть ли не жениться готов на той рыжей потаскухе, охочей до твоего причиндала. И беспокоишься теперь о том, что нужно ей, а не копыту?

Шакал покачал головой и открыл рот, собираясь ответить.

– Молчи! – предостерег Ваятель, наставив на него распухший палец. – Ты даешь мне полупустой мешок монет, говоришь, что в следующий раз он будет весить, как надо, а потом рассказываешь, что часть этих монет мы будем приносить сами, потому что должны начать платить за щелок? И что нам нужно остерегаться ответа кастили, потому что вы трое… – палец тыкал в сторону Шакала, Овса и Блажкой, – не смогли удержаться от того, чтобы убить заносчивого хиляка, который только явился с севера и еще пах благовониями из траханого поместья своего папки? Как вы вообще его прикончили?

Шакал почувствовал, как у него заскрипели зубы. И услышал, как Блажка набрала воздуха в грудь.

– Этот кавалеро ударил Серого ублюдка! – воскликнул он, прежде чем она успела заговорить. – И сделал это на глазах полудюжины других вельможных паршивцев, только прибывших в Уделье. Вы хотели бы, чтобы потом они разболтали, мол, ездока этого копыта может отчитать любой голубокровный? Хотели бы, чтоб об этом прознали Рога? А наши братские копыта? Этим гиспартским дворянам нас не запугать, вождь.

– Да, черт возьми, – донесся тихий голос Колпака с дальнего края. Шакал не отважился посмотреть на остальных, но за столом воцарилось молчание.

– Нет, не можем, – согласился Ваятель, хотя его голос переполнял гнев. – Но как предводитель этого копыта, я не могу позволить своим ездокам делать выбор, способный заставить нас ответить кровью, которую мы не готовы проливать. Итак, кто из вас убил кавалеро?

– А кто, по-вашему? – ответил Шакал. – Я убил.

Блажка, сидевшая рядом, напряглась. Она рассердилась – и Шакал знал, что так будет, – но девушка была не глупа и не стала подвергать сказанное сомнению или уличать его во лжи перед всем копытом.

Ваятель слегка наклонил голову.

– Похоже, тебе придется какое-то время понянчиться с сопляками, Шак.

В Шакале забурлило негодование. Он пристально посмотрел на Ваятеля, сжав челюсти так крепко, что те задрожали. Они сделали все правильно, защитили репутацию копыта. А теперь его за это еще и наказывают? Рука Шакала невольно скользнула по столу к топору, который лежал перед ним. Он собрался выступить против решения вождя. Остальные, несомненно, были готовы его поддержать.

И в это мгновение двери комнаты распахнулись. В проеме стоял сопляк. У него отвисла челюсть, а широко распахнутые глаза неуверенно бегали по комнате.

– Черт тебя дери, вот же легок на помине, – недовольно произнес Ваятель. – Чего ты хочешь?

Сопляк аж подскочил, услышав интонацию вождя.

– Е-ездоки вернулись, Ваятель, – запинаясь, сообщил сопляк. – Разведчики с… с холма Батайят.

– Выкладывай уже! – воскликнул Ваятель. – Что говорят?

Сопляк несколько раз беззвучно шевельнул губами, прежде чем наконец сумел вымолвить слово:

– Тяжаки.

Глава 3

Шакал сидел верхом на Очажке, вместе с остальным копытом дожидаясь, пока раскроется Свиной гребень. Узкий проход в главной стене был безупречен для защиты, но быстро выехать по нему было нельзя. Ваятель давно уже нашел способ, как пойти в обход, и заплатил гиспартским осадным инженерам, чтобы те обустроили этот путь.

С частокола во двор лагеря спускался навесной деревянный помост. Три могучих варвара вращали огромный вертикальный вал, который запускал беспорядочное множество механизмов, назначения которых Шакал никогда не мог понять.

Как только животные двинулись, Свиной гребень разделился надвое, и от первого помоста поднялся второй, протянувшись кверху. Он перекинулся через стену и коснулся земли с той стороны. Все действо занимало считаные минуты. Более чем достаточно, чтобы Серые ублюдки успели полностью вооружиться.

– Ненавижу чертовы ночные налеты, – пожаловался Обхват, пристегивая к седлу связку тяжелых дротиков.

– Я тоже, – поддержала Блажка, крепя к упряжи второй колчан тренчальных стрел. – Даже не увидишь, как мало у тебя мозгов, когда тяжак выбьет тебя из седла и твой череп разобьется о камень.

– Ты тогда, наверное, и слезинки не уронишь, Ублажка, ящерица ты холодная, – фыркнул Обхват.

Шакал проигнорировал их перебранку. Свое снаряжение он уже закрепил у Очажка на плечах.

– Хорош дуться. – Овес стукнул его по плечу.

– Я в порядке, – ответил Шакал.

– Нет, не в порядке. Ты мыслями еще там, за столом, и злишься на вождя. Забудь пока, Шакал. Нас ждет бой.

– Присматривать за сопляками, – процедил Шакал сквозь зубы. – Мы сегодня заставили Ублюдков нами гордиться, а в награду мне придется присматривать за сопляками.

Блажка мотнула головой, ее лицо было перекошено от ярости.

– Мы?

Прежде чем она успела произнести еще хоть слово, Шакал ткнул в нее пальцем.

– Не смей говорить никаких глупостей Ваятелю на мой счет! Я не хочу получить лишней дерьмовой работы только потому, что ты не можешь держать язык за зубами.

У Блажки запульсировали вены на шее, а на лице отразился гнев, но глазами она стрельнула в сторону Обхвата и Меда, которые стояли рядом и увлеченно наблюдали за их перебранкой. Сглотнув огромный ком в горле, Блажка толкнула своего свина вперед, чтобы не видеть Шакала.

Все девять посвященных членов Серых ублюдков были в сборе, даже Мелочник, чье жилистое старое тельце довольно странно смотрелось в полном снаряжении. Пара сопляков-разведчиков, заметивших орков, беседовали с Гвоздем, очевидно, добиваясь – безуспешно – разрешения отправиться вместе с копытом. Сопляки обладали хорошим зрением, а те, что были постарше, помогали патрулировать удел, но не пройдя посвящение в братство, они не могли участвовать в боях. Шакал подумал было, что Ваятель прикажет остаться и ему, но наказание было отложено. При налете орков каждый ездок был важен для Ублюдков.

Когда Свиной гребень поднялся к своей высшей точке, во двор выехал Ваятель. Его искривленная спина больше не позволяла ему сидеть в седле, зато он ловко правил колесницей, запряженной одним гигантским свином по имени Чумной. Остановившись между помостом и

копытом, Ваятель повернулся к своим ездокам лицом. Его бесформенное тело внушительно вырисовывалось на фоне едва наступившей ночи.

– В нашем уделе орки! – прогремел он. – И если мне нужно сказать еще хоть чертово слово, чтобы вы поняли, как нам следует с ними разобраться, то вы, полукровки, не мое копыто! Мы едем к Батайяту. Вперед!

Серые ублюдки ударили пятками по бокам своих животных и шумно пронеслись мимо вождя. На полной скорости поднялись на помост, достигли верхней точки и спустились с противоположной стороны. Шакал держал Очажка за гриву обеими руками, пока свин не спрыгнул на ровную землю. Во главе скакал Гвоздь, и его варвар поднимал за собой клубы пыли. Шакал и остальные члены копыта выстроились в форме наконечника стрелы, по четверо с каждого фланга. Овес, последний слева, скакал вслед за Шакалом. С этим бугаем за спиной всегда было спокойнее. Вглянув направо, Шакал увидел Блажку – она скакала точно напротив него с другой стороны, между Хорьком и Колпаком. И неотрывно смотрела вперед. Ваятель ехал на своей колеснице в арьергарде, между замыкающими флангов.

Шакал поерзал в седле, почувствовал спиной тяжесть арбалета. Впереди на ветру развевалась густая шевелюра Мелочника. Позади Свиной гребень был уже поднят, и вдоль каменных зубцов выстроились сопляки – три дюжины молодых полуорков с копьями и щитами. Они должны были вскоре зажечь огни и открыть дымоходы большой печи, чтобы растопить тоннель, защитив тем самым Горнило до возвращения копыта, хоть бы для этого и потребовалось спалить древесину, которая не была у них лишней. Мелочнику наверняка было не по себе от этой мысли. Шакал не сомневался, что следующие пару недель ему придется только и делать, что слушать ворчания по поводу этой растраты, пока он будет сидеть в лагере, делая из сопляков будущих ездоков. Но пока еще он был на просторе, под ним стучали копыта, и он преследовал врага.

Есть старая, еще со времен Нашествия, поговорка: орки могли бы завоевать весь мир, но чтобы это сделать, им нужно было сдвинуться с места.

Шакал полагал, что так оно и было – что верна и первая часть поговорки, и вторая. Тяжаки не были похожи на зверей. Все живые существа видели в них хищников, коими те и являлись; орки ничего не смыслили ни в земледелии, ни в приручении, ни в одомашнивании. Это был единственный их недостаток. Коварные, свирепые, чудовищно сильные и неестественно выносливые, орки были просто отвратительными противниками. Втрое сильнее людей и вдвое их быстрее. В боях с тяжаками гиспартцы сразу поняли, что пехота против них бесполезна. Лишь у кавалеристов были шансы на победу против равного числа орков.

Полуорков со свинами гиспартская знать использовала во время войн как прислугу, но именно тяжаки, пусть и неумышленно, образовали первое копыто.

Во время одной из бесчисленных сумбурных битв орки разбили гиспартскую кавалерию, и хиляки разбежались, бросив свой обоз на верную смерть. Рабы-полуорки подобрали оставшееся оружие и сняли хомуты с варваров. Затем уселись на них и бросились за орочьей ордой в погоню. Варвары выдерживали ранения, от которых падали лошади, и сами наносили увечья, размахивая бивнями. Даже слабо вооруженные и неподготовленные, рабы-полуорки были сильнее людей и ничуть не уступали тяжакам в свирепости. Гиспартцы, благодаря своей врожденной доблести, собрались вновь, и вскоре строй орков был разбит.

Ваятель тоже участвовал в той битве, вместе со всеми первоначальными членами Серых ублюдков, большинства из которых теперь нет в живых. В тот день они доказали, что могут быть не только рабами. На войне они могли принести больше пользы, чем когда служили извозчиками или могильщиками. Даже напыщенные вельможи не могли не увидеть той силы, которую представляли собой полуорки-ездоки, и вскоре всем полукровкам была дана возможность сражаться за Корону.

Конец Нашествия орков ознаменовался полным освобождением всех полуорков Уль-вундуласа, но, что еще важнее, по мнению Шакала, именно тогда сформировался уклад жизни для всего Уделья. Спустя годы ожесточенных боев и потерь из-за чумы, фактически положившей конец войне, южная часть страны почти опустела. У Гиспарты не было ни желания, ни людей, чтобы снова заселить Уль-вундулас, поэтому они позволили своим союзникам бросить жребий и получить большие участки земли в обмен на защиту от будущих нападений орков.

Именно быстрое, жесткое отражение налетов тяжаков и было главной задачей Серых ублюдков. Равно как и Клыков наших отцов, Казанного братства, Мараных орками, Сынов разрухи и всех остальных. И задачей самого Шакала, целью, которой он был предан до мозга костей.

Холм Батайят находился у юго-восточной границы удела Ублюдков, примерно в двадцати милях от Горнила. Почти не отдохнув после долгой дороги из борделя, Очажок был далеко не свеж, но бороздил землю, поддерживая ритм группы без малейших признаков усталости. Шакал с гордостью потрепал его по плечу.

Копыто достигло Батайята.

Холм выглядел голой угрюмой скалой. Почва вокруг него большей частью была иссушена, но упрямый кустарник ухитрялся цвести в его скалистых трещинах. Как и остальные ездоки, Шакал хорошо видел в темноте – этот дар он унаследовал от того неизвестного тяжака, который изнасиловал его человеческую мать. Когда холм только показался на горизонте, Шакал не заметил на скалах никакого движения, и на равнине под ним не было видно орочьих банд. Тяжаки совершали налеты небольшими бандами, которые назывались «улюдами», что по-орочьи означало «кисть», и каждую возглавлял «т'хуруук», то есть «рука». Разведчики сообщили, что видели здесь два полных улюда, то есть двенадцать орков.

Ехавший во главе Гвоздь замедлил ход и повернул на юг, чтобы обойти Батайят кругом. Холм был широким, и Шакалу не нравилось, что они сбавили темп так близко к темным скалам, маячившим по левую руку. Средний орк – это семь футов[1] вздувшихся мышц, которые позволяли им передвигаться с устрашающей скоростью. С места они разгонялись быстрее любого зверя и могли приблизиться вплотную раньше, чем лошадь или свин успевали от них оторваться. Чтобы выжить, нужно было двигаться без остановок.

Шакал протянул руку к бедру, нащупал уздечку своего арбалета и перекинул его через плечо. Пока Очажок продолжал рысить, Шакал придержал сиденье ногами и оттянул тетиву, чтобы та вошла в паз. В этом тоже было преимущество орочьей крови: человеку, чтобы справиться с таким тяжелым арбалетом, понадобилась бы лебедка. Сунув руку в закрепленный на поясе колчан, Шакал вынул стрелу и зарядил ею тренчало. Затем опустил левую руку на гриву Очажка; правой же он держал оружие готовым к бою. Остальные Ублюдки проделали то же самое.

Обогнув южную сторону холма, копыто направилось на восток, высматривая на скале следы.

Ничего.

Шакал хотел выругаться, но сдержался. Если тяжаки видели, что они приближаются, и укрылись на Батайяте, то Ублюдков могла ждать битва, в которой им не победить. От свинов на скале было немного толку, а драться с пешими орками без численного превосходства – это верный способ превратить к утру все копыто в корм для мух.

Когда их строй обогнул восточный склон и повернул к северу, на лице Шакала появилась ухмылка.

– Вот вы где, – прошептал он.

---

[1] 213 сантиметров. (*Здесь и далее – прим. пер.*)

Едва выйдя на возвышение у подножия Батайята, копыто отчетливо увидело орков, не более чем в полумиле от себя. Покатую равнину пересекали два улюда – они направлялись на север от холма и не заметили Ублюдков за их спинами. Знай они, что их преследуют, – развернулись бы и бросились в атаку или заняли бы позиции на скале. В бегство тяжаки не бросались никогда.

Гвоздь стеганул своего варвара. Копыто ринулось за ним вслед.

Очажок устремился вниз по склону – Шакал одной рукой вцепился ему в гриву. Он перебегал взглядом от орков к Гвоздю, ожидая его решения. В бою копыто следовало за тем, кто ехал впереди.

Но мысли Шакала бежали даже быстрее, чем его свин.

Повалить двенадцать орков за раз нечего было и надеяться. Расстояние между улюдами казалось небольшим, но его хватало, чтобы там прошло копыто, если бы они сузили стреловое построение. Это позволит им атаковать обе банды – так каждый фланг сможет выстрелить по ближайшей к себе группе. Но улюд слева мог ринуться к скалам, прежде чем копыто успеет сделать второй заход. Гвоздь увидел этот риск и направил копыто прямиком на них. Шакал это одобрил. Гвоздь намерился повести их в бивневую атаку, чтобы разбить шестерых орков в одном жестком столкновении. Это был смелый ход, и решение было правильным, но если атака затянется, правый фланг окажется открыт для контрудара от второго улюда. Ваятель на своей медленной колеснице тоже был уязвим.

Шакал метнул взгляд на Блажку, скакавшую на правом фланге. Она радостно скалилась, предвкушая кровопролитие.

Орки учуяли их запах и развернулись за мгновение до того, как оказались в досягаемости тренчала. Все шестеро были лысыми и с пепельной кожей. Мускулистые тела были облачены в кольчуги без рукавов и килты из животных шкур. Животы, колени и плечи орков защищали тяжелые стальные пластины, усеянные толстыми шипами. Они размахивали мощными ятаганами, излюбленным оружием орков, и только у двоих в руках были копья с широкими наконечниками. Т’хуруук, предводитель банды, всегда был самым крупным и свирепым. Шакал наблюдал, как он, потрясая огромным лезвием, бросает отрывистые команды своему улюду. Орки быстро рассредоточились, вынуждая Ублюдков перестроиться шире. Шакал надеялся, что правый фланг следит за остальными тяжаками, чтобы не оказаться в окружении.

Свины мчались по равнине, сокращая расстояние.

Гвоздь выстрелил. Его тетива резко затренчала, за ней быстро последовали выстрелы Обхвата и Меда. Шакал не видел, нашли ли их стрелы цель: он был сосредоточен на собственной – на орке с копьем.

Когда наконечник стрелового построения врезался в тяжаков, воздух наполнил яростный свиной визг. Почти перед носом у Шакала Мелочник громыхал навстречу т’хурууку, на ходу выпуская стрелу. Стрела сорвалась, и предводитель орков покатился по земле, чтобы вскочить затем на ноги между флангами копыта. Он издал гортанный, волнообразный боевой крик и вскинул свой ятаган вверх. Шакал быстро переключился на другую цель, повернув арбалет вправо, и сжал крюк как раз перед тем, как поравняться с вождем тяжаков. Стрела попала орку в живот, но раскололась о закрывавшую его стальную пластину. Шакал отпустил гриву Очажка и схватился за левый свинодерг, сильно нагнув его к земле. Голова варвара резко опустилась, и он повернул в тот самый миг, когда т’хуруук взмахнул своим кривым клинком. Лезвие просвистело в воздухе, и Шакал проскочил мимо.

Опустив арбалет и позволив оружию свободно повиснуть на ремешке, Шакал выхватил с седла дротик. Впереди был еще один тяжак – и уже заносил копье, чтобы метнуть его в летящего мимо свина Мелочника.

Шакал метнул первым.

Дротик глубоко вонзился орку в открытую подмышку, помешав атаке, но не сбив гиганта с ног. Шакал направил свина прямо на тяжака, и Очажок наклонил голову, врезавшись в орка при взмахе бивня. Потеряв почву под ногами от сильного удара, окровавленный орк рухнул.

Пролетев мимо улюда, Шакал услышал за спиной визги свинов и тренчание арбалетов: Овес, Колпак и Ваятель дали тяжакам вкусить всю мощь арьергарда. Гвоздь повернул своего борова вправо, ведя копыто на следующий заход. Пока Очажок сбавлял скорость, тоже выполняя поворот, Шакал снова взял арбалет и, держась ногами, чтобы не выпасть из седла, зарядил оружие. Как только арбалет был готов, Шакал провел мгновенный подсчет.

Десять свинов. Десять ездоков. Без потерь.

Больше не таясь и ощущая в груди жар битвы, Шакал открыл рот и выкрикнул боевой клич своего копыта:

– Живи в седле!

– Умри на свине! – хором отозвались Серые ублюдки.

Копыто завершило разворот и уже выстроилось для новой атаки.

Орки смыкали ряды, второй улюд спешил на помощь своим окровавленным братьям. На земле неподвижно лежало лишь двое тяжаков. Третий, которого ударил Очажок, оставался на коленях, но был жив и все еще сжимал копье.

– Черт, этих уродов так просто не убьешь, – заметил Шакал своему свину.

Оба т’хуруука были на ногах и строили свои отряды в единую мощную линию из десяти орков. Теперь численность сравнялась, но орки уже были готовы и жаждали крови.

Когда копыто снова ринулось на тяжаков, Гвоздь поднял руку высоко вверх, затем быстро закинул за голову, указывая кулаком влево.

Шакал состроил гримасу. Голенная атака? Неужели Гвоздь сошел с ума?

Маневр этот всего лишь рассредоточивал копыто и заключался в том, чтобы ездоки резко повернули перед орками в последний момент, выстроились в одну линию и выставили арбалеты. Это существенно замедлит копыто и точно не позволит убить орков за один подход. Ублюдкам еще повезет, если тяжаки не побегут к Батайяту, пока они будут разворачиваться. Теперь, когда улюды объединились, они наверняка так и поступят, и тогда начнется охота в скалах. Гвоздю нужно было опять выбрать бивневую атаку или послать левый фланг в обход орков впереди правого, чтобы поразить их скорпионьим жалом или змеиным языком.

Пока Шакал с досадой стискивал зубы, Гвоздь, следуя собственной команде, дернул своего борова влево, а вправо направил тренчало, выпустив в орков стрелу. Обхват и Мед синхронно за ним повторили, направив своих варваров так, чтобы образовать колонну по одному. Шакал заметил, что по крайней мере один тяжак упал. Мелочник и Хорек были следующими. Когда они приготовились поворачивать, один из т’хурууков с яростным ревом ринулся вперед. Тяжаки последовали за ним. Отчаянно пытаясь убраться с их пути, Мелочник промахнулся, а Хорек даже не успел выпустить стрелу.

Теперь Шакал скакал бок о бок с Блажкой – они на всей скорости неслись навстречу атакующим оркам. Ее дикий, ликующий голос раздался у него в правом ухе, заглушив свист воздуха.

– На хрен эту голенную муть! Еще в бивневую, Шак?!

– Давай по глоткам! – согласился он и нажал на спусковой крючок своего арбалета.

Стрела пролетела над головой Очажка и попала орку в предплечье. Арбалет Блажки затренчал, и тяжак упал со стрелой в шее. Шакал едва успел отпустить арбалет и выхватить из ножен тальвар, как Очажок врезался в орков. Свин разодрал бивнями ногу одному тяжаку, пытавшемуся проскочить мимо. Рубя направо и налево, Шакал чувствовал, как у него вибрирует рука, когда его клинок встречается с орочьими доспехами. Один из т’хурууков бросился на него, высоко держа обеими руками ятаган. У Шакала над плечом просвистел дротик и впился вождю орков в грудь, пробив кольчугу с такой силой, что бугай завалился на спину.

Овес.

Шакал мысленно поблагодарил здоровяка-друга за то, что тот последовал его примеру в атаке. И надеялся только, что Колпак и Ваятель проявят такую же удаль. Справа от Шакала Блажка рассмеялась, когда ее окровавленный тальвар отсек орку руку.

Между Шакалом и открытой равниной оставался всего один тяжак – тот, что был ранен, но еще держал копье. Неимоверно живучий, орк сумел подняться на ноги, невзирая на зияющую рану, что оставил в его бедре Очажок. Проносясь мимо врага, Шакал нарисовал тальваром дугу, разрубил древко его копья и вонзил лезвие ему в ключицу. Орк, крякнув, рухнул на землю, и Очажок вынес Шакала из битвы.

Свин продолжал увеличивать расстояние между ними и орками, и Шакал повернулся в седле. Блажка тоже прорвалась, Овес и Колпак ненамного отставали от нее. Колпак держался в седле неуверенно, и когда он приблизился, Шакал увидел, что тот зажимает рукой кровоточащую рану на плече. Издалека Шакал заметил, что дважды раненный орк с расколотым копьем снова поднимается на ноги, но Чумной наскочил на него и растоптал копытами. Покидая место схватки, Ваятель проехал по нему колесницей.

Шакал и другие остановились на безопасном отдалении от тяжаков, ожидая, пока их догонит Ваятель. Четверо орков по-прежнему стояли на ногах, сплотившись вокруг последнего уцелевшего т'хуруука. Похоже, все были ранены. Гвоздь с Серыми ублюдками начали разворачиваться, готовя очередной заход. К удивлению Шакала, Ваятель достал боевой рожок, прикрепленный к его колеснице, и протрубил три коротких сигнала, призывая их перегруппироваться.

– Вождь, – проговорил Шакал, – мы могли бы ударить по ним с двух сторон и покончить с этим.

– Нет. – Ваятель покачал головой. – Мы возвращаемся.

Шакал не удержался от того, чтобы бросить изумленный взгляд на Овса.

– Чего ты на него смотришь? – с вызовом спросил Ваятель. – Я что, неясно сказал?

– Нет, Ваятель, – ответил Шакал. – Но если тяжаки добегут до скал и там спрячутся, следовать за ними будет опасно.

– Тебя что, по черепу стукнули, малец? Я не говорил, что мы последуем за ними. Я сказал, мы возвращаемся в Горнило.

– И оставляем тяжаков в нашем уделе живыми? – спросила Блажка, не сумев скрыть недовольство в своем голосе.

Ваятель медленно повернулся всем телом к Блажке.

– Сейчас я тебе кое-что объясню. И если остальные парни подоспеют сюда прежде, чем мне удастся тебе все растолковать, то мне это не понравится. – Ваятель грозно подчеркнул слово «парни», не сводя сурового взгляда с Блажки. – Все эти орки уже ранены. Они пришли сюда с двумя руками и двумя ногами. И оставляют здесь руку и четыре пальца. Тяжаки никогда не выбирают случайно, каким числом идти. За чем бы они сюда ни пришли, они уже не пойдут дальше. Пусть ковыляют обратно на юг и уносят рассказ о своем поражении с собой. Хочешь, я дам в дорогу им еще один рассказ? О том, как вождь Серых ублюдков отрезал языки двум членам своего копыта, которые сомневались в его приказах? Потому что сегодня мне уже хватило длинного языка Шакала, и, честно сказать, Ублажка, твой язык мне тоже ни к чему, если только он не лижет мой член.

За спиной Ваятеля Шакал видел, что орки карабкаются к скалам Батайята. Он не сказал ни слова, молчала и Блажка. Подъехали остальные Ублюдки, казалось, столь же озадаченные приказом вождя, но возражений больше не было.

Возвращалось копыто не торопясь. Изматывать варваров больше не было нужды. Все ехали молча, поглядывая, нет ли новой угрозы, но в душе переживали о своем. Шакал знал своих братьев. То, что они позволили оркам уйти, не нравилось никому. Ваятель сильно при-

близил голосование, которое уберет его с места во главе стола. Черт, это уже предрешено. Шакалу остается только удостовериться в том, что никто из остальных не опередит его, метнув топор раньше.

Показалось Горнило, и вождь протрубил в рожок, давая соплякам знак опустить Свиной гребень. Когда копыто достигло стен, помост уже был опущен, и свины быстро его одолели – им не терпелось оказаться в своем загоне.

– Тушите уже чертовы печи! – приказал Ваятель соплякам. – Я не хочу спалить всю древесину из-за какой-то дюжины тяжаков.

– Зато спалишь потом из-за семерых, – пробормотал Шакал так, чтобы его услышал только Овес.

Друг предостерегающе сдвинул брови.

Спешившись, Ублюдки повели своих свинов в хлев. Когда они вошли в ворота, Шакал отшатнулся от жара, до сих пор наполнявшего тоннель. Должно пройти еще несколько часов, прежде чем он остынет.

– Простите меня, друг?

Голос донесся из тоннеля, и Шакал вместе со всеми выругался, от испуга на несколько шагов отступив назад.

– Кто это, на хрен, сказал? – с вызовом спросил Обхват.

Блажка и Колпак уже прижимали арбалеты к плечам, направив их в темный проход. Шакал переглянулся с Овсом и поднял собственное тренчало.

Из темноты за опускной решеткой показалась фигура.

– Тысяча и одно извинение, друзья. Я не хотел вас пугать.

Это был полуорк, но Шакал его не узнавал. Толстый, почти жирный, но с моложавым лицом, с идеально подстриженной черной бородой и усами. Голову его оплетал тюрбан, тело облекали восточные одежды. На пухлых пальцах, сжимающих стальные прутья решетки, блестело множество колец. Шакал знал, что сейчас эти прутья слишком горячие, чтобы к ним прикасаться. Самому ему трудно было даже дышать в такой близости от тоннеля, но чужак стоял внутри него и даже не потел. Он только смотрел на полукруг нацеленных на него арбалетов с безмятежным безразличием.

– Будьте так добры, впустите меня, – сказал он приветливым тоном, – уверяю вас, я буду лишь смиренным гостем.

– Вот и нет, – ответил Ваятель, проложив себе путь между Гвоздем и Мелочником. Затем он сделал два неуверенных шага к воротам и остановился перед стеной адского жара, пристально глядя на полуорка.

– Ты чародей, – проговорил вождь. На его лице, спрятанная повязками, заиграла улыбка.

Глава 4

– Что на этот раз натворил, Шак?

Берил даже не подняла головы, когда Шакал вошел в приют, – все ее внимание было поглощено визжащим ребенком, которого она отмывала. Он никогда толком не понимал, как ей это удавалось, но она говорила, что узнает по запаху каждого ребенка, которого воспитывает. Продолговатую комнату с низким потолком целиком заполняли юные полуорки – они носились, ползали или просто сидели на месте. И шума от каждого было больше, чем от свиньи во время течки.

– Возьми Пролазу, пока он не обжегся о котел, – спокойно сказала Берил, слегка наклонив голову к плечу.

Посмотрев в сторону знакомого камина, Шакал увидел маленькое слюнявое существо, тянущее пухлую ручку к булькающему котелку с кашей, подвешенному над слабым огнем. Перескочив через других детей, чтобы оказаться рядом, Шакал успел дотянуться до ребенка и схватить его прежде, чем тот получил урок. Мелкий полукровка захихикал, стоило поднять его на руки.

– Ты что это, дала слабину, Берил? – подколол ее Шакал, пристраивая ребенка на колено. – Раньше ты считала, что детей не стоит подпускать к горящему камину.

Вытащив мокрого младенца из-под умывальника, Берил пожала плечами.

– Эта партия умнее, чем были вы. – Она ловко вытерла и запеленала ребенка, чтобы передать его одной из девочек постарше, и, наконец повернувшись к Шакалу лицом, оглядела его с ног до головы.

– Зачем пожаловал? Ваятель не стал бы посылать тебя сюда просто так. Выкладывай.

Шутки шутками, но никакой слабины в Берил не чувствовалось. Хотя ей было хорошо за пятьдесят, она сохранила сильную приятную фигуру, хотя и стала полнее в бедрах и талии, чем была в годы, когда Шакал находился под ее опекой. Длинные каштановые локоны, собранные в практичный пучок, не утратили своего оттенка, а руки были по-прежнему сильными. В копыте часто шутили – когда рядом не было Блажки, – что, у женщин-полуорков ум портится раньше, чем тело.

Шакал открыл рот, собираясь ответить, но прежде чем успел произнести хоть слово, мальчик, которого он держал, сунул ему в рот кулак. Осторожно, чтобы не навредить ребенку зубами, Шакал продолжил говорить, позволив детской руке превратить свою речь в неразборчивое бормотание, и не умолк, пока мелкий полукровка не захохотал, а Берил не выдавила улыбку.

– Значит, ничего страшного у тебя не случилось, – заключила она. – Просто побудешь тут среди ровесников.

Шакал пожевал губами ручку мальчика, пока тот не засмеялся еще сильнее, затем подмигнул Берил. Повернув голову, посмотрел на упитанное детское личико. Глазки малыша зажмурились от восторга, и его ручка с громким чавканьем выскользнула изо рта Шакала.

– Черт, – проговорил Шакал, скосив глаза, чтобы заглянуть мальчику в рот. – У этого слюнтяя уже нижние клыки есть.

Берил медленно кивнула.

– Я только рада, что теперь его не нужно кормить молоком. Пролазе еще и двух нет, а он уже вдвое больше деток своего возраста. Волосы почти не растут, зато сильный, голодный и, как ты видишь, нижние клыки уже режутся. Я не завидую Колючке. Этот маленький монстр день и ночь ее сосет. Напоминает мне Овса в этом возрасте. Тоже лысенький, с клыками, и от сиськи не оторвешь.

– А здесь, вижу, ничего не поменялось, – Шакал улыбнулся.

Он опустил Пролазу на пол и поставил его на нетвердые ножки. Мальчик взвизгнул и заковылял вслед за одним из старших детей.

– И надолго тебя изгнали в Отрадную? – спросила Берил и обвела взглядом комнату, напоминая детям, что она все видит.

– Пока Ваятель не решит, что я опять могу ездить со всеми.

– Ты правда хочешь, чтобы я узнала о твоих деяниях от койкогрелок, Шакал?

– Нет, – ответил он. – Нет, я убил кавалеро у Санчо и позволил бордельщику передать просьбу копыту, чтобы мы начали платить за его девок. Сначала из-за этого меня назначили смотреть за сопляками, но потом я усомнился в решении Ваятеля в бою, так что… теперь я здесь.

– Шакал! – Берил неодобрительно качнула головой.

– Он позволил пятерым тяжакам сбежать, Берил! Он не мыслил здраво. Никто не мог поверить, что он дал такой приказ, но только нам с Блажкой хватило духу сказать об этом.

Берил вскинула руки при упоминании имени Блажки.

– Значит, ты рискнул собой ради нее. Я могла и сама догадаться.

Шакал проглотил раздражение и сдержался, подавив желание повысить голос.

– Ничего я не рисковал. Я первый это сказал. Мы…

– Бросили вызов Ваятелю, – перебила Берил, непримиримо сжав губы.

– Нет, – запротестовал Шакал, – мы только хотели узнать, почему он дал кучке орков спокойно сбежать из нашего удела.

Берил покачала головой, выражая разочарование, знакомая Шакалу реакция с малых лет.

– Он дрался с полнокровными задолго до того, как ты родился, Шак.

– И что, это я виноват, что он потерял к этому вкус?

Берил сверкнула глазами и огляделась перед тем, как шагнуть к нему.

– Довольно! – сказала она, понизив голос. – Нежка с Метлой сейчас снаружи развешивают белье. А что, если они побегут в Горнило и нашепчут Хорьку о том, что ты говорил? Или один из этих малышей расскажет Колючке о том, что слышал? Она и так передвигается с трудом, когда возвращается почти каждую ночь из койки Обхвата. В деревне есть девки, даже не койкогрелки, но они не прочь давать соплякам в надежде, что те скоро станут ездоками. Думаешь, они между собой не сплетничают? Что ты будешь делать, когда половина претендентов и так шепчутся: мол, ты собираешься встать во главе копыта?

Шакал поднял руку, пытаясь остановить ее тираду, но без результата.

– Ты окажешься не готов к ответу Ваятеля. И за столом станет одним пустым местом больше.

Наконец голос Берил немного дрогнул, и Шакал отвел взгляд, делая вид, будто он этого не заметил. Больше двадцати лет прошло, а отсутствие Певчего все еще приносило ей боль.

– Не беспокойся, – сказал он, наблюдая за играющими детьми. – Вождь сейчас больше думает над тем, чтобы занять место кое-кем новым.

– Один из сопляков подает надежды? – спросила Берил.

– Нет. Вчера ночью в Горниле появился незнакомец, судя по виду и разговору, из Тиркании или вроде того.

– И что? – Берил пожала плечами. – Чем хорош этот любитель дюн?

– Ваятель думает, он чародей.

Берил почти удалось скрыть удивление.

– И правда чародей?

Шакал скривил рот.

– Он появился в стене, когда горели печи. Он должен был зажариться, Берил, и задолго до того, как добрался бы до ворот двора.

– Знаешь, жители пустынь привычны к жаре, – ответила Берил, сама явно в это не веря.

Шакал решил не упоминать о том, что незнакомец касался горячего металла голыми руками.

– Кем бы он ни был, у вождя от него вскружилась голова, как у сопляка от первой шлюхи. Никогда его таким не видел, даже Мелочник забеспокоился.

Берил сложила руки на груди.

– Ваятель всегда хотел заполучить чародея в копыто, Шакал. В кастили есть чародей, и, говорят, у Рогов их как дерьма, но ни одно из копыт полукровок еще не усадило такого себе за стол. Если этот незнакомец в самом деле чародей, это может помочь Ублюдкам. – Она смерила его долгим изучающим взглядом. – Но ты так не считаешь.

– Я не знаю, что думать. Ваятель заперся с этим подонком на всю ночь. Вышел утром, чтобы приказать мне идти сюда.

– Ну, слишком уж не расстраивайся, – сказала Берил, хватая одну из мокрых тряпок со стола и швыряя в него. – Ни ты, ни другой мой сынок больше сюда не захаживаете.

Не успел Шакал ей ответить, как одна из сирот, худенькая девочка лет трех, подбежала и, схватив его за пальцы, потащила туда, где играла.

– Вперед, – махнула ему Берил, – пусть пока привыкают к тебе, а потом я дам тебе работу.

Шакал провел утро, воюя с мальчишками и гоняясь за девчонками. Было странно вновь вернуться в детские воспоминания. Запах места погружал его в годы, проведенные под этой крышей, и приют мало изменился с тех пор. Отрадная находилась в пределах видимости со стен Горнила, и все же Шакал по возможности избегал деревни.

Он покинул приют в двенадцать – прошел милю до Горнила, чтобы пополнить ряды сопляков и начать свой путь к копыту. Сейчас, спустя пятнадцать лет, у него был собственный свин, а спину покрывали татуировки Ублюдков. Каждый из дюжины мальчишек, живущих сейчас под опекой Берил, попытается повторить его путь, но лишь немногие из них добьются успеха. Шакал понимал, что был живым воплощением их мечты. Что же до девочек, то они уже были в него влюблены, их брошенные сердца не знали ласки отцов, но все чаяли одного и того же. У многих это чаяние зрело годами и превращалось в желание стать койкогрелкой – любимой забавой Ублюдка. Но пока они были детьми и – что девочки, что мальчики – в своем благословенном неведении еще не знали тех суровых истин, которые ждали их впереди.

Позднее, играя с детьми снаружи, под одобрительными взглядами Нежки, которая развешивала белье, Шакал начал понимать, почему избегал этого места. Не потому, что хотел сбежать от воспоминаний – в приюте ему жилось весело, – а потому, что не хотел видеть того, что было для него недоступно.

Шакал не мог иметь детей.

Все мужчины-полуорки были бесплодны. Его отец, как и отцы всех детей в этой комнате, был тяжаком. Сильное семя орка легко принималось людьми, поэтому стоило женщине забеременеть – никакие травы и чаи не могли из нее это семя вывести. Некоторые убивали себя, лишь бы не вынашивать полукровку. Другие выдерживали семь месяцев беременности, а потом, если выживали после родов, избавлялись от детей любым доступным им способом. Третьи – к счастью для Шакала и для каждого выжившего полуорка, – оставляли ублюдка жить.

Гиспартская знать до сих пор ценила слуг-полукровок, а за симпатичных детей на севере даже давали немалые деньги. И было известно, что в Уделье все человеческие женщины, готовые воспитывать своих детей-полукровок, могли рассчитывать на защиту копыта. Отрадная раскинулась под Горнилом как раз благодаря этому. Однако многих детей все равно попросту бросали – их матери не могли их убить, продать или воспитать, они просто хотели от них избавиться. Именно так и Шакал, и десятки других сирот попадали к Берил.

Сама она пришла в Отрадную из разграбленного города, когда внутри нее уже рос собственный тяжак – женщины-полуорки тоже иногда зачинали детей. Редко случалось, что людское семя приживалось в полуорочьей утробе, куда чаще они беременели от тяжаков. Дети

таких родителей назывались трикровными, или трикратами. Они были крупнее и сильнее обычных полукровок и больше походили на орков внешне. Трикратов зачинали нечасто, но еще реже их бросали – потому что лишь немногие женщины-полуорки поддавались подобной слабости. Берил определенно была не из таких. Она приняла защиту Серых ублюдков, поклявшись, что ее трикровный малыш, если родится мальчиком, станет грозным членом копыта. Через полгода родился Овес. Берил воспитывала его вместе с другими найденышами, включая младенца, которому суждено было стать лучшим другом ее сына.

Шакал присмотрелся к ребенку, которого Берил называла Пролазой, и подумал, что малыш может быть трикратом. Клыкастый проказник явно не знал страха и вечно донимал старших детей. Он определенно походил на Овса, который, если бы не строгий надзор матери, одинаково заботившейся обо всех детях, точно подмял бы под себя весь приют.

Прошло четыре дня – из Горнила никаких вестей. Берил поручила Шакалу починить сломанную черепицу на крыше, избавить сад от гадюк и заменить плохие кирпичи в дымоходе. Когда он не был всем этим занят, она отдавала его найденышам, и Шакал не мог сосчитать детей на своих плечах. По ночам же он спал снаружи, под крыльцом, всегда держа арбалет под рукой.

За всю историю на Отрадную нападали лишь раз, когда мимо проезжала разгульная банда кентавров. Шакалу тогда было около девяти, и он до сих пор помнил, как сидел съежившись в погребе вместе с Овсом, Блажкой, Берил и остальными детьми, а лошаки безумно вопили поблизости. Тогда они убили восьмерых и еще десятка два ранили, пока Ваятель не привел Серых ублюдков из Горнила и не прогнал их. Будь в ту ночь Предательская луна, копыто могло бы и не справиться.

Оправдывая свое название, такая луна могла явиться в любую ночь, приводя кентавров в восторг и посылая их на убийства. Иногда луна не показывалась годами, иногда выходила пару раз за многие месяцы. Говорили, что кентавры подчиняют ее своей воле, но как можно было утверждать наверняка? Никто из тех, кто ступал в оберегаемые лошаками рощи, не возвращался с ответом. Так или иначе, Предательская луна внушала страх, словно невидимый топор, зависший в небе над Удельем. Точно предсказать ее появление мог Зирко, но пока что жрец-коротышка не посылал предупреждения. Тем не менее Шакал держал тренчало заряженным.

На пятый день в Отрадной он наконец поддался соблазнам Нежки и улизнул с ней в узкий тупиковый двор между домиком Берил и мастерской бондаря. Нежка была полукровкой, и Шакал знал ее с детства. Когда он покинул приют, ей было лет десять, и с тех пор она выросла в простую, но милую девушку с приятным и внушительным задом. Хорек сношал ее и еще одну помощницу Берил, худышку по имени Метла, но пока не сделал выбора между ними.

– Если Хорь об этом прознает, скальп с меня сдерет, – сказал Шакал, когда Нежка жадно вгрызлась ему в шею. Он был уже без рубахи, и она перестала его целовать, чтобы отстраниться и оглядеть его торс. Нежка провела ладонями по его плечам.

– Черт, Шакал! – воскликнула она. – По сравнению с тобой он просто хиляк.

– Что ты вообще нашла в этом ленивом распутнике? – хмыкнул Шакал. Он сказал это без злости, с легкой насмешкой, давая понять, что не питает к Хорьку неприязни и не собирается с ним соперничать.

Большие глаза Нежки оторвались от его груди и сверкнули ему в лицо.

– Он груб именно так, как нужно.

Шакал поднял брови и с притворной задумчивостью кивнул, а потом, без всякого предупреждения, обхватил Нежку руками. Она ахнула и засмеялась, когда он крепко сжал ее в объятиях. Развернув ее, притянул к себе и медленно закрыл ей рот рукой, чтобы приглушить ее хихиканье. Будучи намного ниже его, она приподнялась на цыпочки, чтобы потереться задом в нужном месте. Разомкнув губы, Нежка обхватила ими палец Шакала и прикусила так, чтобы он почувствовал легкую боль. Слева от Шакала стояла брошенная бондарем бочка. Не выни-

мая пальца изо рта Нежки, он нагнул ее над выгнутой верхушкой бочки. Свободной рукой задрал ей юбку, открыв серо-зеленые ягодицы, и перекинул ее колено через край бочки. Нежка застонала и выгнулась дугой, поощряя его без слов, но крепко держа зубами его палец. Когда Шакал принялся расшнуровывать штаны одной рукой, через проход во двор упала тень.

Силуэт на фоне яркого солнца принадлежал Блажке.

– Шак. Нам нужно поговорить.

Шакал отступил от Нежки, которая слезла с бочки и, досадливо выдохнув, опустила юбку.

– Это не могло подождать полчаса? – спросил он.

Блажка отступила к краю прохода, открывая путь.

– Иди, Нежка.

Сердито зыркнув на Шакала, Нежка поспешила прочь со двора. Когда она проходила мимо, Блажка отодвинулась, будто могла заразиться судьбой девушки, которой сама едва избежала. Шакал стоял, облокотившись о бочку.

– Ты себя переоцениваешь, – проговорила Блажка, подходя ближе. – Полчаса?

Шакал не стал отвечать на насмешку – он ждал, когда Блажка расскажет, зачем явилась. Она была вся в пыли, очевидно, только что слезла со свина. Когда она подошла еще ближе, Шакал уловил землистый аромат быстрой езды, смешанный со знакомым запахом, который исходил от нее самой.

– Ваятель сказал, сколько тебе тут сидеть? – спросила она.

– Я надеялся, ты мне скажешь.

Блажка поморщила нос.

– Нет. Вождь, даже когда не волочится за своим жирным фокусником, со мной не разговаривает.

– Что там вообще происходит? Кто он такой?

– Я не знаю. – Блажка закатила глаза. – Ваятель отправил меня в патруль после Батайята.

– Тебе ничего не было, – заметил Шакал. – Даже к соплякам не выгнали.

– Не было, – согласилась Блажка. – Ваятель не хочет, чтобы я возилась с претендентами даже в качестве наказания. Думает, они будут слишком заняты мыслями о том, как бы прижать меня к бочке. – Она пнула недавнее пристанище Нежки, тем самым лишив Шакала равновесия. Он выпрямился, чтобы не упасть, и оказался еще ближе к Блажке. Всего на капельку ниже его, она смело смотрела Шакалу в глаза.

– Зачем ты это сделал? Зачем сказал, что убил того кавалеро?

– Потому что мы все приложили к этому руку. Ты, я и Овес. Но если бы Ваятель узнал, что это ты спустила курок, то наказание было бы суровей, чем смотреть за сопляками. Когда дело касается тебя…

Шакал осекся – ему не нужно было объяснять Блажке, какого мнения о ней Ваятель.

– Хватит, Шак. Копыто никогда не будет относиться ко мне как к ровне, если ты сам не будешь.

Шакал поморщился.

– Ради Овса я сделал бы то же самое!

– Да ну? – усомнилась Блажка. – Это довольно великодушно с твоей стороны, учитывая, что он ни слова не сказал у Батайята. Он мог за нас вступиться!

– Овес тщательно выбирает, где ему встревать, Ублажка. Чем мы с тобой не можем похвастаться.

Блажка выставила руку, показывая, что не желает развивать эту тему.

– Тогда, может, ты уже позволишь мне самой разбираться с тем дерьмом, которое случается из-за того, где я встреваю? Мне не нужно, чтобы твой стручок мешался между мной и Ваятелем или любым другим членом этого копыта. Ты понял?

Шакал кивнул.

– Скажи вслух!

– Я понял.

Блажка стиснула зубы и кивнула, ее взгляд слегка смягчился. А потом ударила ему кулаком по яйцам.

Шакал крякнул и согнулся пополам, резкая тупая боль сменилась онемением, прежде чем снизу вверх выстрелила боль уже настоящая, которая застряла в горле и растеклась дурнотой по всему телу.

– Какого хрена, Блажка? – выдавил он между приступами кашля.

– Это было одолжение, – ответила она, наклонившись, чтобы ее лицо оказалось на одном уровне с ним.

– Одолжение?

– Боль помешает тебе раздвинуть Нежкины губки. Эта потаскуха хочет поселиться в Горниле. И как только ты сунешь своего баламута в любую из ее дыр, она тут же проберется в твою койку.

Шакал попытался смерить ее злобным взглядом, но мешали проступившие слезы.

– Мы просто хотели сделать перерыв в работе.

– Так вот чем ты тут занимался, полудурок. Но ведь она бросит Хорька в мгновение ока. Нежка не из тех, кто будет терпеть этого грызуна-педераста, когда есть ты. Так что если еще не созрел для койкогрелки, будь осторожен.

Блажка выпрямилась и двинулась прочь из двора. Ее арбалет покачивался сзади над бедрами.

– Так что не за что.

Еще долго после ее ухода Шакал неспешно ковылял по кругу.

Глава 5

После восьми дней отсутствия Шакала в Горниле за ним прислали сопляка. Молодой претендент весь запыхался, будто от самого лагеря бежал со всех ног.

– В чем дело, сопляк? – поинтересовался Шакал. – Не можешь милю пробежать без одышки?

Сопляк постарался выровнять дыхание, отчего у него задрожали губы и побледнело лицо.

– Черт, Биро, дыши нормально, – промолвила Берил со своего кресла на крыльце. – Не позволяй ему собой помыкать. Шакал сам упал в обморок, как девственник, когда его в первый раз заставили прибежать в Отрадную с донесением. Знаешь, сколько времени я потом приводила его в чувство?

Шакал фыркнул. Не все из Ублюдков обрадовались бы, если бы над ними насмехались в присутствии сопляка, но Шакал находил историю Берил забавной, особенно потому, что это была неправда. Шакал срезал еще пару артишоковых стеблей, бросил головки в корзину возле Берил и только потом поднялся. Спрятав нож, он взял бригант и арбалет.

Берил взглянула на него с легкой улыбкой.

– Рада была побыть с тобой, Шакал.

Он наклонился к ней и поцеловал, потом сошел с крыльца под палящее солнце.

– Идем, – сказал он Биро.

Спешно кивнув, сопляк развернулся на каблуках и затрусил по пыльной дорожке, пересекавшей Отрадную. Шакал, сощурившись на покатый склон, двинулся за ним шагом. Парень обернулся и понял, что он не спешит.

– Ваятель сказал привести вас поскорее! – крикнул Биро на бегу.

– Тогда ему стоило прислать моего чертова свина, – ответил Шакал, не удосуживаясь повысить голос.

Найденыши, поняв наконец, что он уходит, прервали свою игру и окружили его живым смеющимся облачком, пока командный голос Берил не отозвал их обратно.

Дорога в Горнило шла в гору. Шакал не торопился, надевая на ходу бригант. Биро все время был в нескольких шагах впереди. Парню было не больше тринадцати, он еще не пробыл сопляком и года и до сих пор говорил с посвященными членами копыта со смесью страха и благоговения. К счастью, это удерживало его и от болтовни в пути.

Когда они приблизились к Горнилу, Шакал заметил у ворот небольшую стоянку.

– Когда они пришли? – спросил Шакал, разглядывая с полдюжины лошадей и палаток.

– Два дня назад, – ответил Биро. – Кавалеро из кастили.

Шакал хотел было высмеять сопляка за столь очевидное замечание, но воздержался от оскорблений, решив вместо этого преподать ему урок.

– Кавалеро-то да, – согласился он, – но можешь ты мне сказать, простолюдины они или дворяне?

Биро тупо уставился на него.

Шакал взял его за плечо, когда они подошли ближе, и указал на лошадей, которые паслись на скудной траве равнины.

– Присмотрись к лошадям… ни одной чистокровной.

На страже стояло двое людей, остальные четверо бросали кости возле небольшого костра.

– Вельможные хиляки редко играют в кости, – продолжил Шакал, – и они носят алые пояса, чтобы обозначить свое положение. У этих олухов поясов нет, и оружие у них похуже. Но дерутся они обычно лучше. Запомни это.

Биро быстро кивнул и проглотил ком в горле.

Миновав ворота, Шакал вошел в тоннель в стене и начал длинный путь сквозь темноту. Он слышал, как Биро, шагавший следом, вел рукой вдоль стенки – парень еще не научился ходить по тоннелю без подсказок. Шакал вспомнил, как сам много лет назад ходил здесь так же.

– Почему?..

Шакал резко развернулся к Биро, прежде чем тот успел промолвить еще слово, и шикнул на мальчика.

– Никогда не разговаривай внутри стены! – прошептал он. – Иначе ты не услышишь ездоков, которые могут появиться с любой стороны. Я не хочу, чтобы меня затоптали из-за того, что какой-то сопляк не может держать язык за зубами.

Юноша оказался смышленым – ничего больше не сказал, даже не стал отвечать.

Ускорив шаг, Шакал повел их дальше. Когда он сам был в таком возрасте, как Биро, он боялся ходить внутри стены, постоянно думая, что на Горнило нападут и ворота закроют раньше, чем он успеет пробежать по тоннелю, а когда печи нагреют проход, он сварится в собственной шкуре. Всем соплякам нужно было этого бояться – страх держал их начеку и не давал погибнуть.

Но спешил Шакал по другой причине. Если в Горниле были кавалеро-простолюдины, значит, к Серым ублюдкам наведался Игнасио, и, без сомнения, именно из-за этого Шакала сейчас и вызвали.

– Седлай моего свина, – приказал он Биро, как только они вышли на свет. Парень побежал к хлеву. Так или иначе, Шакал отбыл свое наказание, и в скорейшем времени ему предстоит выехать в путь.

Он вошел в зал собраний и направился сразу в светлицу Ваятеля. Как и ожидалось, там Шакал увидел капитана Игнасио, развалившегося в кресле у стола вождя. Невзрачный, с залысинами, рябой кожей и слезящимися глазами, Игнасио был самым что ни на есть простым солдатом. Судя по всему, одного возраста с Бермудо, он, однако, годился своему знатному ровеснику в отцы – тяжелая крестьянская жизнь запечатлелась в каждой морщине его смуглого лица.

– Шакал, – проговорил Игнасио, кивнув.

– Капитан.

Ваятель поднял глаза и скривил губы. За его спиной на заставленной полке стояла пара пыльных керамических сосудов. Это были старые саперные горшки, из тех алхимических приспособлений, которые использовались во время Нашествия, чтобы пробивать дыры в защите орков. Служа тогда рабом, Ваятель сам мастерил такие горшки и наполнял летучими веществами, благодаря которым они становились столь опасными. Реликвии на полке были пусты и негодны, но Шакал, оказываясь в светлице Ваятеля, всегда видел в них напоминание о взрывном характере вождя.

– Я уже начинаю жалеть, что тебя не утопили младенцем, Шак.

Шакал ничего не ответил – он ждал дурных вестей.

Ваятель махнул Игнасио рукой, обернутой в льняную ткань.

– Скажи ему.

Капитан посмотрел на Шакала, и на его усталом лице отразилась досада.

– В кастиль вернулась лошадь кавалеро Гарсии.

Шакал изо всех сил старался сохранить спокойное выражение лица.

– Я нахожу это любопытным, Шакал, – проговорил Ваятель опасно небрежным тоном. – Очень любопытным, поскольку ты сказал мне, что лошадь вместе с телом кавалеро попадет к Месителю.

– Я сейчас съезжу, – сказал Шакал. – Поговорю с Санчо. Узнаю, в чем дело.

– Я уже узнал. – Игнасио вздохнул. – Бордельщик сделал все, как ты просил. Отправил к Месителю птицу, на следующий день тот приехал, забрал Гарсию и лошадь. Но потом эта лошадь появилась у наших ворот.

– Шак? Не хочешь объяснить, почему так получилось? – спросил Ваятель.

Шакал пожал плечами.

– Спросите Месителя.

Ваятель помрачнел.

– Хочешь свалить свои ошибки на него?

– Нет, вождь.

– Я послал птицу. Как только Игнасио приехал и рассказал мне об этой растущей горе свиного дерьма. И теперь жду ответа. – Ваятель выставил перед Шакалом крючковатый палец. – Ту его часть, которой еще не знаю.

Капитан снова устало вздохнул.

– Тот, кого ты убил, был сыном какой-то мегеры из… Валлисолета, кажется. Маркиза или вроде того.

Шакал никак не отреагировал. Названия гиспартских городов и титулов говорили ему еще меньше, чем самому Игнасио. Но капитан продолжил говорить, и неизменная усталость вдруг его покинула, а звучавшая в его словах тревога придала Игнасио редкую оживленность.

– Говорят, у нее целое состояние. Влияние при дворе. И сейчас она не просто потеряла сына. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Шакал проигнорировал беспокойство капитана.

– Если бы он много значил для нее, его не сослали бы сюда.

Игнасио только фыркнул.

– Я не знаю, что он наделал, но изгнание в Уделье могло быть проявлением материнской любви и следствием ее денежного взноса, которое спасало его от казни. Маркизе может не понравиться, что она вырвала сына из рук палача только затем, чтобы он в первую же неделю погиб в Уделье.

Шакал посмотрел на Ваятеля.

– И нас это волнует? Ни слухам, ни придворным в пустошах нет места.

– Бермудо волнует, – ответил Игнасио, наклоняясь вперед в кресле, чтобы привлечь внимание Шакала. – Эта басня, которую ты рассказал новым кавалеро, про то, что Гарсия напал на капитана и дезертировал, – она в его духе, поэтому никто в Гиспарте не стал бы его искать. Но лошадь вернулась. С территории кентавров. Куда, по твоим словам, он сбежал!

– Откуда даже тяжаки не выходят живыми, – проговорил Шакал.

– И уж тем более скаковой жеребец, выросший в конюшне какого-нибудь хлыща, – проворчал Ваятель. – Твоя история провалилась, Шак.

Игнасио цокнул языком.

– Бермудо вгрызся в тех новичков, чтобы рассказали правду. Пока они больше боятся тебя, чем его. Но сколько это может продолжаться?

Действительно, сколько? Игнасио до сих пор считал Шакала настоящим убийцей Гарсии. Значит, юные кавалеро в самом деле не рассказывали правду. Если бы хоть один из них проговорился, что его череп пронзила стрела женщины-полуорка, Игнасио немедленно бы понял, о ком речь, и передал вождю. И Ваятель отреагировал бы на эту весть совершенно иначе.

– Сама по себе лошадь ничего не доказывает, но не сомневайся, Шакал, если тело обнаружат и Бермудо сможет воспользоваться им в своих интересах, он это сделает.

– Например, сам заплатит, чтобы его отправили в Гиспарту, лишь бы развлечь маркизу моим повешением?

Игнасио криво усмехнулся Ваятелю.

– Ты же вроде говорил, что он дурак.

– Но это не значит, что он тупой, – ответил тот.

– Зачем до этого доводить? – спросил Шакал у вождя. – Вы же не станете отдавать одного из своих, чтобы умилостивить какую-то дворянку.

Глаза Ваятеля вспыхнули гневом.

– Когда Гиспарта приходит в мой удел и чего-то требует, я окунаю каждого хиляка лицом в грязь. Но лучше до этого не доводить. А если уж довели, то не нужно бояться виселицы, Шакал. Потому что я спалю в Горниле твою беспечную тушу.

Шакал думал об этом с того момента, когда вошел в комнату. Он повернулся к Игнасио.

– Ты можешь сделать, чтобы эти кавалеро и дальше молчали? Припугнуть их как-нибудь?

Игнасио хрипло рассмеялся, сочтя это забавным.

– Чтобы молчали и оставались живы? Видать, ты все-таки тупой. Мы с моими людьми подолгу в кастили не сидим. У нас есть свои обязанности. В патрули ходим, например. И доставляем плохие вести в копыта полуорков, которые мутят всякое дерьмо.

Шакала не волновали упреки этого усталого бесполезного человека. К тому же болтовня Игнасио о патрулях кое о чем ему напомнила.

– Бермудо приехал в бордель в то утро, потому что искал тебя, – сказал он. – Думал, ты будешь там с нами. Почему?

Игнасио раздраженно растянул губы.

– Чтобы сбагрить мне тех молокососов. Или ты думаешь, он показывал им, как тут все устроено? Нет. Такие удовольствия он скидывает на меня.

– Мы отклоняемся, – заметил вождь. – Капитан здесь не затем, чтобы устранять последствия, Шакал. Это сделаешь ты.

– Тогда я поскачу к Санчо и возьму след. Если тело Гарсии…

– Нет, – отрезал Ваятель. – Я уже послал Овса и ту сучку, за которую вы оба проголосовали, чтобы взять ее в копыто и потом творить с ней вот такое.

– Что вы хотите от меня?

– Иди в опоросный сарай.

Шакал едва не запротестовал, но все же сдержался. Что-то подсказало ему, что это уже не относилось к исправительным работам. Возможно, ледяной тон вождя или спокойствие Игнасио, а может, и мысль о том, что у копыта не было свиноматок, собирающихся вскоре родить. Как бы то ни было, от этого приказа ему стало не по себе.

Не сказав ни слова, Шакал покинул комнату. Проходя по коридору, он слышал, что обсуждение продолжилось – Игнасио заговорил об оплате услуг.

Опоросный сарай вопреки своему названию был внушительных размеров зданием, которое стояло под самой стеной в отдалении от хлевов и загонов для поросят. Шакал вошел в низкое длинное помещение. Как он и подозревал, опоросные станки были пусты. Он шагал в полумраке по центральному проходу, его ботинки бесшумно ступали по соломенной подстилке, разбросанной поверх щепок и опилок.

Свины были душой копыта, его силой. Без них патрулировать Уделье или вступать в бой с тяжаками было бы просто медленным самоубийством. Сюда переселяли свиноматок, готовых произвести на свет новое поколение варваров, и обеспечивали их покоем и заботой. Ваятель не позволял соплякам заходить в опоросный сарай, доверяя принимать поросят только Мелочнику и тем посвященным, которые помогали ему. У Шакала это дело получалось плохо – не хватало практики. В тот единственный раз, когда он попытался помочь, Мелочник его прогнал. Тогда Шакала сменил Овес, и вскоре к соскам своей изнеженной матери прижималось пятеро здоровых варварят.

С обеих сторон проход упирался в небольшую комнату. Шакал сомневался, что Ваятель отправил его сюда проверять запасы, поэтому двинулся направо – к двери, куда уводили несчастных свиноматок, если после неудачного опороса их уже нельзя было спасти.

Комната милосердия.

Он приоткрыл дверь, и до него донеслись сдавленные крики боли и паники. Сарай всегда содержался в чистоте, но сейчас Шакалу в ноздри ударил запах пота, мочи и страха. Он открыл

дверь шире и увидел жуткий профиль Колпака. Бледный полукровка не повернулся к Шакалу, пристальным, немигающим взглядом глядя на стену за дверью. Его безволосая кожа имела цвет грязного белья, без единого оттенка серого или зеленого. Ублюдки гадали, не альбинос ли он, но у него не было той странной розоватости в глазах, как у тех, кто страдал таким недугом. Нет, в его глазах зияли пустые черные пропасти.

Перед его бездонным взглядом стояли на коленях шестеро рыдающих мужчин, голых и закованных в цепи. Кляпы у них во рту были пропитаны соплями и слезами, оставившими блестящий след на усах, украшавших каждого пленника.

Новые кавалеро Бермудо.

Шакал заскрежетал зубами. Игнасио привез не только новости.

Мужчины тоже его узнали и скорчились сильнее. Сквозь кляпы доносились отчаянные звуки – были ли это мольбы или протесты, Шакал не понимал. Однажды он их отпустил. Но лишь совершенный глупец мог поверить, что он сделает это снова.

Он подошел к Колпаку, но сразу повернулся к противоположной стене – встав к обреченным спиной.

– Кто-нибудь уже заговорил? – прошептал он.

Колпак поднял к нему лысую голову.

– Сам слышишь.

Сдавленные всхлипы не унимались.

– Ваятель с ума сошел, если считает, что это выход, – заметил Шакал.

Колпак ответил все тем же мертвенным взглядом. В нем не было и намека на мысль. Каждый раз, когда Шакал смотрел на него, этот убийца со шрамами напоминал ему змею, заглатывающую жертву. Медленный, молчаливый, безжалостный, сосредоточенный на своей холодной цели.

Шакал пытался придумать другой способ, его мысли метались, но не приводили ни к чему. Ваятель сделал выбор. Игнасио исполнил свою роль, заманив этих людей в ловушку. Они не знали Уделья и наверняка понятия не имели, где находятся; даже увидев Горнило, они были слепы и уязвимы, как поросята, что рождались в этом сарае.

И Шакал не мог их спасти. Ваятель заявил, что не отдаст Гиспарте ничего из того, что у него потребуют. Он лгал, возможно, сам этого не зная. Он отдал бы Блажку. Если кто-то из этих людей сказал бы, что она убила Гарсию, у вождя появился бы шанс избавиться от нее, сняв ответственность с копыта. Бермудо получил бы казнь, маркиза – свою месть, а Ваятель освободился бы от женщины, которую никогда не хотел видеть в рядах своего копыта. И Овес с Шакалом не смогли бы проголосовать против.

На лице Шакала, в отличие от мертвенной маски палача, видимо, отразились его мысли, потому что Колпак подал голос, настолько тихо, что едва можно было различить слова:

– Только быстро.

Шакал повернулся и протянул к кавалеро руку. Шесть пар пронизанных страхом глаз выпучились на него.

– Так, спокойно. Мы просто вынем ваши кляпы. – Он чуть не подавился своей ложью, еле сдержав возглас, когда те облегченно умолкли. Только их лица оставались напряженными и недоумевающими. Шакал зашел за спину крайнего справа кавалеро. Колпак скользнул к пленнику с левого края. Голова, на которую смотрел Шакал, дрожала, волосы промокли насквозь. Кожа на затылке потемнела от уль-вундуласского солнца, а ниже, под дуговидной границей, была заметно бледнее. Сосредоточившись на этой линии, Шакал вынул нож.

Кавалеро, находившийся рядом, наблюдал за ним, вытянув шею, чтобы увидеть то, что вскоре ждало и его.

Шакал встретился с ним взглядом, и его хитрость раскрылась.

Пленник издал сдавленный вопль, заглушивший чавкающие звуки кинжала Колпака, быстрой серией ударов пронзавшего плоть. Он валил пленников одного за другим, всаживая оружие в затылок каждому с ужасающей точностью. Четверо кавалеро погибли, не успев понять, что происходит. Пятый – тот, кто закричал, – был слишком сосредоточен на Шакале, чтобы заметить свою гибель, приближавшуюся в покрытой багровыми пятнами руке Колпака.

А вот шестой увидел.

Он качнулся вперед, от жажды жизни став быстрым, как заяц, и неуклюжим, как пьянчуга. Он отпрянул от Шакала, вскочил на ноги, но споткнулся, ударившись о закрытую дверь головой. Прислонившись к двери спиной, уперся пятками в пол и заскользил по дереву плечами и цепью. Ошеломленное лицо выражало дерзкое, но бесполезное предостережение тем, кто мог погнаться за ним.

Как только он поднялся на ноги, ему в грудь вонзился кинжал Колпака – лезвие угодило в самое сердце. Бунт кавалеро сменился замешательством, но в этот миг у него подкосились ноги, и он осел на копчик, уже лишенный жизни.

Шакал не сдвинулся с места. Он повернулся к Колпаку – тот стоял рядом с последним живым кавалеро и удерживал юнца рукой за плечо, не давая ему подняться. Но опасаться этого не стоило. Пленник уже ничего не соображал. Он все еще завывал сквозь свой кляп, пока не кончался воздух в легких, потом делал судорожный вдох и кричал снова.

Пристальный взгляд Колпака, спокойный и выжидающий, был направлен на Шакала.

Глава 6

Рука Шакала все еще ощущала протыкаемое острой сталью горло. Кровь он смыл, но тошнотворная упругость плоти оставалась в памяти. Шакал покрепче сжал кулак, чтобы прогнать это фантомное ощущение, и вошел в хранилище копыта.

Там он, как и ожидал, увидел Мелочника – старый стригальщик монет глухо отдавал приказы парочке сопляков и следил за каждым их движением с глубоко укоренившимся недоверием. С тех пор, как Певчий ушел в кочевники, Мелочник был единственным, кроме вождя, членом копыта, состоявшим в нем с момента основания. Никто не говорил об этом вслух, но все знали, что квартирмейстер на самом деле был хилячным – сыном матери-полуорка и отца-человека. Худой, скаредный и хитрый, он занимался распределением запасов со злонравной деловитостью. Он был до того жаден, что никогда не стриг волосы, и те копной скрученных локонов с проседью ниспадали к его костлявому заду. И тем не менее Шакал, которому доводилось видеть старого хрыча в драке на ножах, никогда не решился бы перейти ему дорогу без чертовски веской на то причины.

– У меня нет лишних мазей, Шакал, – заявил ему Мелочник, как только он приблизился к стойке.

– Мазей? Я здесь не за этим.

– Да ну? – Мелочник ухмыльнулся. – А я думал, у тебя соски потрескались после кормежки щенят у Берил.

Старый болван от души посмеялся над собственной шуткой, не переставая, однако, наставлять приспешников, переставляющих с места на место мешки и бочки. Он явно ничего не знал о кавалеро. Ваятель приложил все усилия, чтобы скрыть правду об этом грязном деле.

Колпак и Шакал дождались, пока на крепость не спустилась ночь, а потом вынесли тела из опоросного сарая и сложили в колесную телегу, в которой обычно вывозили умерших свиней. Затем тела сожгли в печи Горнила, словно дрова. Шакал не был рад тому, что присоединился к Колпаку и Игнасио, верным псам вождя. И не собирался оставаться с ними надолго. Проведя бессонную ночь, он принял решение и отправился в хранилище прежде, чем вождь успел назначить ему следующее задание.

– Мне нужна птица Месителя, – сказал он Мелочнику. – Ваятель хочет отправить еще послание.

Мелочник на мгновение задержал на нем взгляд и только потом исчез в глубине своих запасов. Шакал слышал, как старый стригальщик монет распекает невидимых сопляков, которые вызвались помогать ему. Много лет назад Шакал любил работать в хранилище, и Мелочник тоже ему нравился. Но за время своей службы в качестве посвященного успел потерять к этому вкус. Теперь старый хилячный казался ему утомительным. Мелочник вернулся с плетеной клеткой, в которой смиренно сидел неоперившийся голубь. Шакал принял клетку у старика, чьи пальцы словно противились ее отдавать.

Выходя из хранилища, Шакал услышал крик ему вслед:

– Клетку вернешь!

Не потрудившись ответить, Шакал зашагал через двор.

На хрен Ваятеля.

И Игнасио.

И все их планы.

Шакала втянули в расправу над полудюжиной мужчин. Это была ловушка, которую он сам помог поставить, но одно дело – попасться в ловушку, а другое – в ней остаться. Ему нужно понять, почему та лошадь вернулась в кастиль. Если тело Гарсии тоже найдется, эти убийства окажутся напрасными. Шакалу нужно было убедиться, что труп все-таки попал к Месителю.

Ваятель мог тоже отправить послание, но какой бы ответ ни пришел, едва ли он достиг бы ушей Шакала. Да он и не поверит тому, что расскажет вождь.

Нет, ему нужно отправиться к первоисточнику, в Топи Старой девы, и поговорить с Месителем самому. Для этого необходимо преодолеть немалый путь через болота, а где именно жил этот болотник, никто не знал. Тут Шакалу не помешала бы помощь, но единственные люди, которым он доверял, уже ушли по поручению вождя. Овес и Блажка могут вернуться только через несколько дней, а у него не было времени ждать. Ему нужно уйти прежде, чем Мелочник обмолвится вождю о птице.

Это было вопиющим нарушением, за которое вождь наверняка потребует изгнать его из копыта. Ну и пусть. Он отпускает орков, казнит кавалеро, да еще и скрывает это от копыта. Шакал воспользуется случаем, чтобы избавиться от старика и самому стать во главе.

Ступив в тень большой трубы Горнила, все еще отдававшей небу останки людей, которых он помог убить, Шакал заметил чародея. Тот сидел в тени трубы, разместив свою упитанную тушу на небольшом коврике. Присмотревшись, Шакал увидел, что его глаза были закрыты.

– Поручение огромной важности, друг? – спросил чародей, когда Шакал проходил мимо.

Шакал остановился и увидел на лице толстяка ленивую усмешку.

– Нет, – ответил Шакал.

– Замечательно!

Чародей встал, и довольно проворно для его комплекции. Он был намного ниже Шакала, но из-за тюрбана казался одного с ним роста.

– Я хочу сопровождать тебя.

Шакал хмыкнул, слегка опешив.

– Мало ли чего ты хочешь. Нет. – И двинулся дальше.

– Смелый, – заявил чародей, устремляясь за ним так, что закачались золотые бусины, свисавшие с косы в его бороде. – Но я слышал, это опасно – ходить одному в Топи Старой девы.

Шакал резко остановился. Неужели его раскрыли? Чародей читал его мысли?

– Откуда ты знаешь, куда я еду? – прорычал он грозно, наклонившись к толстяку.

Улыбка чародея стала шире. Он сложил запястья, разведя ладони, и указал на птицу в клетке, которую нес Шакал.

– Эта маленькая пернатая душа вернется туда, как только ты ее выпустишь. Простые создания следуют простым инстинктам, мой друг.

– А ты знаешь топи?

– Я знаю птицу. Увы, как и многие в Уль-вундуласе, я не видал Старой девы. Но я хочу увидеть ее, поэтому мне нужно пойти.

– Хрена с два, – бросил Шакал, отворачиваясь.

– Ты ведь знаешь, что я хожу туда, куда хочу.

Шакал, остановился. Голос чародея оставался учтивым, почти подобострастным, однако из-под его пышной вежливости проступала угроза. Шакал обернулся и заглянул в пляшущие глаза полуорка.

– Да, ходишь, – сказал он, тоже стараясь говорить грозно. – Появиться в тоннеле – это был ловкий трюк?

– По правде говоря, я не хотел устраивать переполоха.

– Ну, разумеется, не хотел. Имя у тебя есть?

– Ухад Уль-Бадир Тарук Ультани, – проговорил чародей и слегка наклонил подбородок.

Шакал сощурился.

– Кошмар хренов, а не имя. Я буду звать тебя Штукарем.

Чародей улыбнулся.

– Это то, что вы называете «копытным именем»?

– Это то, что я называю именем, которое я могу выговорить. И насколько мне известно, ты пока еще не член копыта, потому что голосования по тебе я не припомню.

– Действительно, так и есть, – согласился чародей.

Шакал улыбнулся. Если он возьмет тирканианца с собой, то лишит Ваятеля его любимого гостя. Это хорошо. И кроме того, за это время можно будет разобраться в незнакомце. Это еще лучше. Если чародей способен не только не зажариться в тоннеле Горнила, то на болотах его силы могут пригодиться. Если же нет, то эта дряблая туша станет более сытной пищей для роха, чем Шакал. Обогнать его будет нетрудно.

Шакал хлопнул по мягкому плечу чародея.

– Раз ты не вступил в копыто, значит, ты претендент! Сопляк. Так что идем, Штукарь, посмотришь на Топи Старой девы.

– Премного благодарен! – Пухлое лицо чародея просияло. – Как думаешь, твой Ваятель это одобрит?

Шакал покачал головой, поворачиваясь, чтобы двинуться дальше.

– Меня это мало волнует. К тому же ты ходишь, куда хочешь, верно? Так посмотрим, можешь ли ездить.

Свернув свой коврик и привязав его к бесформенной куче мешков, Штукарь перекинул все это через плечо.

– Могу я узнать, как тебя зовут, друг?

– Шакал.

– О! – Штукарь поднял палец. – Назвали так потому, что ты можешь есть что угодно, у тебя противный смех и ты готов спариваться даже с уродливыми женщинами!

Шакал остановился, сжал кулак, развернулся к чародею, но увидел на его лице озорную усмешку. Значит, чувство юмора. И хорошее.

Шакал, расслабившись, улыбнулся.

– Два из трех угадал.

В хлеву их поджидал Биро. Парень уже подготовил Очажка к поездке. Шакал наскоро осмотрел борова и одобрительно кивнул сопляку.

– Заседлай еще свина из тех, на ком ездят разведчики, – приказал он Биро, садясь верхом. – Наш новый друг поедет со мной.

Парень покорно двинулся с места, но Штукарь остановил его, нежно коснувшись предплечья.

– Думаю, мне не нужно седло.

– Так поедешь? – спросил Шакал, не зная, как к этому отнестись – с почтением или сомнением.

– А ты думаешь, на этих зверях это неразумно?

– Ты когда-нибудь ездил на варваре?

Штукаря вопрос, казалось, позабавил.

– Какое любопытное название для животного. Нет, никогда.

Шакал стиснул зубы, решив больше ничего не говорить.

Биро вывел свина из хлева. На этом свине учили ездить сопляков, но он был достаточно крепким зверем. Биро, при всей своей юности, все-таки соображал, поэтому выбрал тучному чародею борова покрупнее.

– Премного благодарен, – проговорил мальчишке Штукарь. Биро отпустил свинодерг и отошел. Шакал наблюдал, как Штукарь наклонился к морде своего варвара. Толстяк долго простоял так, сгорбившись, затем выпрямился. И, уже ничего не опасаясь, обошел вокруг зверя и легко взгромоздился ему на спину.

– Я готов, – объявил он с улыбкой.

– Скоро увидим, – отозвался Шакал и повел Очажка из хлева.

Они вошли в тоннель Горнила и вскоре вынырнули из него по другую сторону стены. Шакал повернул на север и следующие несколько миль не спускал глаз с восседающего верхом Штукаря. Толстяк сидел кошмарно, держал равновесие ужасно, и его ноги болтались слишком низко. По справедливости, он уже должен был свалиться, однако почему-то все еще сидел у варвара на спине все с той же мечтательной усмешкой на широком лице. Шакал повидал дюжину сопляков с большим талантом к езде, которые падали на землю уже через сотню шагов, но этот закутанный в шелка поедатель песка все еще оставался на свине, когда они достигли реки Люсии. Причем без седла.

Шакал перестал гадать, как это у незнакомца выходит, и сосредоточился на маршруте. Через несколько часов пути по течению реки они увидели место слияния Люсии и менее полноводной Алундры. Здесь они повернули на юго-запад, держась левого берега Алундры. Это был не самый прямой путь, зато он шел вдали от земель кентавров. Путешествие обещало быть достаточно рискованным даже без встречи с бандой лошаков, опьяненных вином и словами их безумных оракулов. Без верных напарников Шакал мог стать легкой добычей даже для небольшой группы, будь то тавры, Рога или тяжаки.

Шакал бодро гнал Очажка, покрывая милю за милей в уверенности, что вскоре придется сбавить ход из-за Штукаря, но чародей не отставал. Более того, он становился все сноровистее и теперь скакал рядом с Шакалом. С живым интересом осматривал местность, и пыл в его глазах не затухал на ярком солнце. Шакал, поняв, что жирный зад Штукаря не упадет на землю, повел Очажка рысью.

– Зачем вообще приехал, тирканианец? – спросил он.

Чародей еле слышно хмыкнул.

– Я родился в Аль-Унане. – Шакал не понял, как это связано, и Штукарь ему подмигнул. – Это земля, которая не входит в Тирканию, хотя в Тиркании я учился.

– Я спрашивал о другом.

– О другом, – согласился Штукарь. – Я просто хотел все это увидеть. – Он обвел рукой вокруг. – Уль-вундулас! Уделье, самый спорный порог великой Гиспарты. Это ребяческое королевство стоит надо всеми. Под ним – Дар'гест, чьи бескрайние пустыни и душные джунгли томятся в черной хватке орков. Они жадно вглядываются на север, через Затопленное море, где лежат ласковые земли людей. Гиспарта, Анвилья, Гуабия. Однако вода отпугивает дикарей, ибо кораблестроение для них – сущая загадка. И правда, затонувшая родина эльфов оберегает четверть известного мира от врагов из прошлого века. Впрочем, у орков есть один перешеек. Единственное место, где Дар'гест топорщится так, что почти целует Уль-вундулас.

– Кишка, – сказал Шакал.

Чародей похлопал себя пальцем по широкому носу.

– Две с небольшим лиги морской воды. Оркам с их мышцами ничего не стоит их переплыть. Что они и делают. Попадают сюда, в знаменитые пустоши Уль-вундуласа, место своего последнего поражения, где полукровки ездят на свинах и никто не преклоняет колена!

Шакал не смог подавить смешок.

– А ты, видать, изучал карту и читал книги. Но сейчас, когда попал сюда, можешь сам увидеть, что эта земля из себя представляет. Старое лоскутное одеяло. Уродливое, жаркое, сухое, все в паразитах и сшитое из неподходящих кусков.

– И все равно ты ее любишь, – заметил Штукарь.

– Как правило, – признался Шакал. – Здесь нет королей, это да. Ни султанов, ни калифов. Только мы. Копыта. Вольные ездоки.

– Это я слышал даже в своих родных землях. Мне еще в детстве рассказывали, что у нас, полуорков, есть свой край в Уделье. И его я давно мечтал увидеть, прежде чем его не станет.

Шакал пристально вгляделся в задумчивое лицо чародея.

– Не станет? С Удельем ничего не случится. До тех пор, пока есть Серые ублюдки и другие копыта. Мы сюда тяжаков не допускаем.

– О, но разве нет и других угроз, друг Шакал?

– Каких? Вроде кентавров? – Шакал покачал головой. – Они опасны, но они не покидают свои храмы и оргии надолго. Если держаться от них подальше, то они нападают только по ночам Предательской луны. А если ты имеешь в виду эльфов, то они ненавидят орков сильнее, чем мы. В них, может, и течет другая кровь, но Рога – это такое же копыто, как Ублюдки. Так что пока границы Уделья соблюдаются, между нами нет раздора.

– Но нет и союза.

У Шакала возникло впечатление, будто его проверяют. Это раздражало, учитывая, что он сам взял этого жителя Востока с собой, чтобы выяснить его мотивы.

– Значит, ты не собираешься становиться Ублюдком, – произнес Шакал. – Просто здесь проездом, а вообще это что-то типа паломничества?

– В своем роде да, – кротко ответил Штукарь. – В своем роде.

Шакалу никак не удавалось взять верх над этим незнакомцем. Напротив, чем больше он узнавал о чародее, тем меньше его понимал. Определенно, он выбрал толстяку подходящее имя. Шакал был слишком горд, чтобы признать: Штукарь обладал куда бóльшим умом, нежели он сам. Но и у Шакала тоже было удачное имя и собственное коварство, и каким бы низким оно ни было, еще никогда его не подводило.

Среди кустов по обе стороны реки все чаще появлялись деревья. Алундра, делая широкий, ленивый изгиб, устремлялась на юг, сбегая по скалистым выступам, пока берега на протяжении многих миль вяло спускались к болотам.

Когда солнце начало садиться, Шакал решил, что пора разбить лагерь, и нашел ольховую рощу неподалеку от берега. Не рискуя разводить костер, он поужинал инжиром, а Очажок поел желудей у него с руки. Штукарь пил из глиняной бутылки, которую извлек из своего узла с вещами.

– А ты не очень-то проголодался как для такого жирного говнюка, – сказал Шакал, проверяя, обидится ли чародей, однако даже если Штукаря это и задело, огрызаться он не пытался. Он просто улыбнулся все той же своей улыбкой.

– Быть может, Уль-вундулас сделает меня похожим на тебя, друг Шакал. На впечатляющий экземпляр полуорка, обтянутый твердыми мышцами! Знаешь, в Уль-Кадиме люди – хозяева домов удовольствия щедро платят за ладно сложенных полукровок вроде тебя.

– Я думал, в таких местах платить за плоть разрешается только мужчинам, – сказал Шакал.

– Мужчины и платят. – Штукарь значительно кивнул.

Шакал состроил гримасу, и Штукарь усмехнулся.

– Выходит, вы в Уль-вундуласе свободны, но не просвещены! А эльфы разве не могут любить, как им хочется?

– Не знаю.

Штукарь улыбнулся, видя его смущение.

– Чтобы тебя не мучить, я сменю тему нашего разговора. Этот Смеситель, которого мы ищем, он такой важный?

– Отвратительный, вот он какой, – ответил Шакал. – И зовут его Меситель. Он в одиночку удерживает от орков одну из самых уязвимых границ Уль-вундуласа, поэтому в Уделье его ценят. Когда мы достигнем болот, сам увидишь. Жить там не смогло бы ни одно копыто. Там тяжело даже самым выносливым свинам и лучшим ездокам. Но Меситель… он сам себе копыто.

– И это все удается ему одному? – спросил Штукарь, впечатленный. – Как?

– Увидишь. – Настал черед Шакала улыбаться.

Остальную часть ночи они провели молча. Доверившись свину, чье обостренное чутье уловило бы возможную опасность, Шакал улегся на подстилке, но проспал совсем недолго. Рассвет наступил очень скоро, и двое снова отправились в путь.

Топи Старой девы начинались в сорока милях от моря. Эта обширная полоса ровной земли была усеяна чащобами, разодрана мелкими ручьями и задыхалась от болотных испарений. До Нашествия орков эти земли были охотничьими угодьями королей Гиспарты. Усадьбы и кастили, некогда разбросанные по краям болота, были одна за другой снесены во время войны, но Шакал, ведя Очажка по наиболее проходимым заиленным равнинам, заметил несколько жалких развалин. Он указал на них Штукарю, тот задумчиво кивнул.

– В конце войны Корона получила эти болота по жребию, – рассказал ему Шакал. – Тогдашний король, как бы там его ни звали, хотел вернуть его королевской семье. Несколько его родственников по глупости пытались заново поселиться здесь, но сбегали уже в первые месяцы. Орки до сих пор проникают в глубь Уделья через болота после того, как переплывают Кишку, хотя даже для них эта местность часто оказывается непроходимой. На Старой деве живет много такого, отчего даже тяжаки дважды думают, прежде чем сюда сунуться.

– Ага, – заявил Штукарь, – я много слышал о естественных обитателях Старой девы, которые весьма грозны собой. Рохи, да?

– Ты лучше поглядывай иногда на небо.

Следуя собственному совету, Шакал высматривал огромных хищных птиц. Рохи гнездились на болотах, но в поисках добычи могли улетать далеко за их пределы. Одна такая птица когтями подняла бы в воздух Очажка и взлетела бы достаточно высоко, чтобы упавший свин разбился насмерть, а потом спикировала бы вниз и насытилась. Горсть хорошо нацеленных тренчальных стрел прогнала бы мощных хищников, но без помощи товарищей Шакал сомневался, что сможет стрелять достаточно быстро. А Штукарь вряд ли носил при себе оружие.

Земля все сильнее раскисала под ногами, и к полудню свинам стало трудно пробираться вперед. Шакал понял, что их пора оставить. Очажок еще мог преодолеть трясину за счет своей грубой силы и упрямства, но соплячьему свину, отягощенному весом Штукаря, придется совсем туго. Шакал отвел их в убогую сосновую чащу, снял с седла птичью клетку и повесил ее у себя на поясе рядом с колчаном. Затем спешился, и Штукарь последовал его примеру.

– Деревья тут хоть и низкие, – Шакал указал рукой вверх, – но защитят свинов от кружащих рохов. Как думаешь, твой широкий зад выдержит поход?

Штукарь с улыбкой кивнул.

– Залепи этим пернатым уродам бивнями, если попытаются сюда залезть, – сказал Шакал Очажку, похлопав его между глазами.

– И ты так же сделай, – поручил Штукарь своему борову, наставительно пригрозив пальцем, – тем уродам в перьях.

Шакал оставил Очажка без привязи, зная, что он останется на месте по крайней мере сутки, пока голод не пересилит даже лучшую выдержку. В терпеливости соплячьего свина он не был так уверен, но беспокоиться об этом сейчас не мог. Шакал предложил Штукарю один из своих дротиков, чтобы лучше держать равновесие на болоте, но чародей лишь отмахнулся. Взяв в руки заряженный арбалет, Шакал спрятал дротик обратно в колчан на седле и двинулся в путь. Вооруженный тренчалом, тальваром и ножом, с птичьей клеткой на поясе и в компании таинственного чародея Шакал вышел на Старую деву.

И все из-за того, что солгал, желая защитить одну неблагодарную сорвиголову.

– Чтоб ты обосралась, Блажка, – пробурчал он себе под нос.

Глава 7

Шакал и Штукарь часами перебирались с одного размокшего островка на другой, то и дело окунаясь по колено в мутные протоки, прежде чем выбраться на кусок твердой земли. Так они продвигались вглубь топи, пока вокруг не осталось ни одного дерева. Тогда Шакал наконец выпустил птицу.

Молодой голубь лихорадочно озирался, но поднявшись повыше, набрался уверенности. Шакал пристально следил за птицей, пока та не скрылась из виду.

– На запад, – сказал он. – В самое сердце Старой девы.

– Думаешь, Мочитель живет там? – спросил Штукарь.

– Меситель, – поправил Шакал. – И да, я знаю, что он там. Только не знаю, где именно. Между нами и океаном больше нет ничего, кроме бесчисленных миль трясины и соленых болот.

– Тогда будем надеяться, что он живет не на побережье, – пошутил Штукарь.

Шакал с согласием вздохнул и двинулся в ту сторону, куда полетел голубь.

Была поздняя осень, и душный воздух ощущался тяжелее под жарким солнцем. Над топями гудящими облачками собирались рои кусачих мух. Изредка встречались небольшие группы диких кабанов, пробиравшихся через болото.

– Нужно держаться от них подальше, – сообщил Шакал Штукарю, указывая на зверей. – Они – любимая пища рохов.

Но слишком беспокоиться о птицах не было нужды. Час спустя они увидели первое месиво.

Оно подкралось слева, оказавшись в пределах выстрела от них. Размером примерно с быка, оно было почти незаметно, когда не двигалось. Существо выглядело как очередная темная лужа, какие всюду смердели среди песчаного тростника. Его черная блестящая фигура плавно скользила по поверхности. Твари напоминали Шакалу гигантских бесформенных пиявок, состоящих из смолы. Вздрогнув, он остановился и оглядел топи, выясняя, нет ли поблизости других созданий. И встревожился сильнее, когда увидел еще парочку справа на таком же расстоянии.

– В Тиркании у вас такие не водятся? – спросил он Штукаря.

Чародей стоял на месте, изучая тварей безо всякого трепета.

– Нет, – сказал он. – Я думаю, там они бы не выжили без воды.

– Старожилы клянутся, что до войны их и здесь не было.

Штукарь опустился на корточки и лениво пошевелил руками болотную траву, сам не сводя с тварей глаз.

– Не сомневаюсь, что они правы, – сказал он. – Это отвратительные порождения заклинаний. В тех описаниях Нашествия, что мне повезло читать, сказано, что именно здесь эльфы впервые пришли Гиспарте на помощь. Их шаман высвободил страшный поток магии, пытаясь остановить вторжение орков. Но у орков были свои чародеи. По-видимому, эти… твари были порождены противоборствующими энергиями, спарившимися на полях смерти.

Шакал не знал, правда ли это, да его оно и не заботило. Присутствие тварей означало лишь, что он был близок к своей цели.

– Идем дальше, – сказал он.

Создания продолжали преследовать их весь день, не приближаясь и не отставая от них. Ближе к сумеркам впереди появилось еще два грязно-бурых пятна. Теперь Шакал и Штукарь были окружены со всех сторон. Шакал с тревогой подозревал, что их намеренно куда-то вели.

Впереди показалась группа из пяти невысоких строений, возвышавшихся над трясиной на толстых балках. Через болото вокруг строений тянулись грубые дорожки из гнилых досок,

опиравшихся на такие же гнилые подпорки. С немалым трудом Шакал и Штукарь вышли к одной из шатких конструкций, что пересекали приличного размера лагуну и вели к самой высокой из четырех построек. Пока они шагали по трещащим, покрытым мхом доскам, твари следовали за ними по воде, плавно скользя по ее поверхности. Дойдя до середины дорожки, Шакал остановился.

– Меситель! – крикнул он. – Это Шакал из Серых ублюдков!

Ответа не было. Ничто не шевельнулось. Даже твари застыли, когда он остановился.

Двинувшись дальше, Шакал достиг главной хижины. Крыша была устлана болотной соломой, стены – сплетены из тростника. Поскольку двери не было, Шакал осторожно наклонился через порог. С потолка свисало несколько рыбацких сетей, отчаянно нуждавшихся в ремонте, а под прорехой в соломенной крыше ютилось холодное костровище. В остальном хижина была пуста.

Шакал не знал, чего искал здесь. Если бы твари Месителя набросились на него, от него не осталось бы и следов. Вынырнув из хижины, Шакал увидел, что Штукарь все так же следит за шестью пятнами, раскинувшимися на поверхности посреди лагуны.

– У них нет глаз, – сказал чародей, – но я отчетливо чувствую, что они за нами следят.

Шакал был вынужден с ним согласиться. Эти создания излучали ужасное, безмолвное терпение.

Штукарь обернулся через плечо.

– Так ты говоришь, этот человек, кого мы ищем, ими управляет?

– Да, и никто не знает, как он это делает. А они вроде бы ему подчиняются. И могут поглотить все, к чему подберутся. Удобный способ избавляться от трупов.

– И большой в Уль-вундуласе спрос на такие услуги, друг Шакал?

Проигнорировав вопрос, Шакал похлопал Штукаря по плечу, давая ему знак отступить от главной лагуны.

– Проверим остальные сараи и уберемся отсюда, пока эти твари не решили, что из твоих обросших жиром костей получится отличное лакомство.

– Я осмотрю вон те. – Штукарь указал на два строения справа от главной хижины.

Шакал кивнул и направился к двум сараям с левой стороны. Они были вдвое меньше жилища Месителя, и, собранные из тех же раскисших материалов, тоже не имели дверей. Выставив арбалет, Шакал заглянул в первую, но ничего там не обнаружил. Ни запасов, ни мусора – ничего. Во второй же было иначе. На противоположной входу стене висело потрепанное полотнище – рваный и заплесневелый гобелен, изображающий козла на черном щите. Под этой диковиной стояла пара больших сундуков из раскисшей древесины, гнилой и почерневшей, с ржавыми железными креплениями. Покосившиеся крышки не закрывались как следует, и Шакал приподнял одну из них носком ботинка, чтобы увидеть внутри монеты – целое состояние золотом и серебром, покрытое влажной пылью. Не ожидавший такой ценной находки Шакал ощутил себя посягнувшим на чужое. Строение хранило напряженный шепот жилой обители, стены были пропитаны духом своего хозяина.

Шакал резко развернулся, когда кто-то коснулся его плеча, и едва не выпустил стрелу в Штукаря.

– Черт! – выругался он вполголоса. – Ты можешь ходить чуть громче?

– Идем, – проговорил чародей невозмутимо. – Ты должен это увидеть.

– Что?

Штукарь отвернулся, ничего не ответив, и повел Шакала обратно по сходням. Снова пройдя мимо главной хижины, они приблизились к оставшимся сараям. Черные твари в лагуне едва заметно пульсировали в темной воде. Чародей остановился и кивнул в сторону ближайшего сарая. Шакал, еще не успев войти, заметил, что эта постройка, пусть и не крупнее осталь-

ных, была куда более основательной с виду. У нее также не было двери, зато стены и куполообразная крыша были сложены из саманного кирпича.

Шакал шагнул внутрь и тут же застыл на месте.

Со всех сторон, кроме той, где размещался вход, в стены впивалось месиво, чья черная масса выгибалась вверх, закрывая еще и часть потолка. В его маслянистой субстанции была заключена голая женщина. Ее руки были захвачены до запястий, и она висела под потолком, закрепленная ногами за заднюю стену, сильно прогибая позвоночник. Голова низко опускалась между напряженными плечами, спутанная масса грязных волос скрывала лицо. Цвет ее тела и ритмично пульсирующий живот говорили о том, что она была жива.

Шакал убрал стрелу из арбалета и повесил его через плечо. Затем сделал шаг в глубь комнаты, опасаясь движений твари. Но существо совсем не шевелилось, если не считать легкой непрекращающейся ряби по поверхности его тела. Еще один осторожный шаг, и Шакал, оказавшись рядом с пленницей, смог осторожно обхватить ее скрытое лицо руками и слегка приподнять ее голову. Глаза женщины были закрыты, загорелая кожа казалась такой горячей, будто у нее был жар. Она издала еле слышный стон, но не проснулась. Было ли это состояние вызвано месивом или понятными тяготами нахождения в плену – Шакал не знал. Она была стройной, но мускулистой, без признаков истощения, и на грязной коже не было видно повреждений. Месиво, вроде бы, не мучило ее, а только держало в оковах.

Медленно опуская ее голову, Шакал слегка коснулся ушей. Тогда он, сдвинув брови, поднял ей волосы, чтобы увидеть глазами то, что ощутил осязанием. У пленницы были заостренные уши. Шакал медленно вышел из сарая.

Штукарь сидел, прислонившись спиной к стене, и смотрел на лагуну. На досках рядом с ним стояла странная, внушительных размеров медная бутыль, а чародей вытаскивал из кучи своих пожитков другие диковинные вещи. Он делал это уверенно, отработанными движениями, и не сводил глаз с тварей, следивших за ними из лагуны.

– Эта девка – эльфийка, – вымолвил Шакал.

– Да, я видел.

Штукарь продолжил загадочные манипуляции. Открыл отделение в верхней части бутыли и насыпал туда пучок сушеных трав и темный порошок. Затем залил немного жидкости из кожаного мешочка в другую часть бутыли. После чего, наконец, вставил тонкую змеевидную медную трубку в отверстие, расположенное возле днища этого удивительного сосуда. Шакал наблюдал за ним со все возрастающим раздражением.

– Она может быть из Рогов. Эльфы не делают татуировок членам своих копыт, поэтому точно не могу сказать. Но какого хрена она здесь делает?

Последнее он скорее пробормотал сам для себя, но Штукарь все равно ответил.

– Ее, несомненно, каким-то образом использует демон, которого ты ищешь.

– Демон? – Шакал пристально посмотрел на чародея.

Штукарь взял в рот тонкую трубку, и его пухлые щеки на миг быстро задвигались. Струйки дыма вскоре повалили из ноздрей чародея, а потом, когда он вынимал трубку, и изо рта. Шакал поморщился от приторного запаха.

– Да, – ответил Штукарь. – Этот Меситель. Он вовсе не человек. Теперь я в этом уверен.

– Ну нет, он точно из хиляков. Просто у него странные умения и страшные зверьки. Нам нужно освободить эту девицу, но я не знаю, с чего начать.

– Подожди минуту, – предложил Штукарь, – тогда сможешь спросить у того, кто ее связал.

Посмотрев в ту же сторону, что и чародей, Шакал увидел еще одно месиво – оно приближалось с дальней стороны лагуны. Это создание было крупнее остальных шести, ускользавших с ее пути. Большое месиво направлялось прямо к тому берегу, где стояли Шакал и Штукарь. Понимая, что от этого не будет толку, Шакал все равно достал арбалет и вставил

стрелу. Штукарь по-прежнему сидел рядом и сосал свою мудреную трубку, выдыхая дым без особого беспокойства.

Добравшись до края дорожки, большое месиво, двигавшееся украдкой, плавно приподнялось гребнем над водой. Встав почти вертикально, создание вытянулось вверх настолько, что сравнялось ростом с Шакалом. Оно было так близко, что он мог протянуть руку и дотронуться до твари. Фигура Шакала отразилась на черной блестящей поверхности. В верхней части твари проступила выпуклость, ее оболочка сморщилась, стало вырисовываться круглое очертание.

Человеческая голова.

Глаза проступили уже открытыми – они пристально смотрели на Шакала.

Из тела твари явился Меситель, вслед за лицом, искаженным враждебностью, возникли бледные округлые плечи. Вскоре на его коже не осталось и следов твари – она была чистой, как у младенца, и белой, как у мертвеца. Когда оформился торс, Меситель перестал увеличиваться в размерах. Месиво окутывало его ниже внушительного живота, удерживая так, что он лукаво покачивался над настилом.

Меситель подозрительно сощурил глаза, смотревшие из-под растрепанных редеющих волос. Он приоткрыл рот, язык выскользнул перед нижними зубами, вынудив губу нелепо выпятиться за мгновение перед тем, как заговорить.

– Чего пришел, полукровка? – Голос Месителя оказался звучным и густым, он словно источал опасность.

– Тебя искал, – ответил Шакал. – Хотел узнать, почему ты предал веру Серых ублюдков.

Месиво слегка наклонилось так, чтобы Меситель смог лучше взглянуть на Штукаря, который сидел позади Шакала. После краткого осмотра колонна живой слизи снова выпрямилась.

– Гиспартец исчез, полуорк, – сказал Меситель Шакалу. – Мои милые провели его в черные покои. Веру предаешь только ты, являясь в наш протекторат без приглашения.

Шакал облегченно вздохнул. Значит, все в порядке. С Гарсией разобрались. Все свидетельства деяния Блажки исчезли в трясине.

– А что с его лошадью? Почему она вернулась в кастиль?

Меситель нахмурился еще сильнее.

– Толстяк обозначил предо мною труп, в который Серые ублюдки обратили человека. Никоих животных не было ни предложено, ни принято.

У Шакала заметались мысли. Почему Санчо скрыл лошадь? Бордельщик всегда был другом Ублюдков.

Меситель, не обращая внимания на его очевидное замешательство, продолжил:

– Этот увертливый сводник несет беду вашему кругу. Я же получил свою компенсацию и вполне удовлетворен.

– Компенсацию? Те сундуки с монетами или чертову эльфийку?

– Это уже не забота простого вассала. Ты не в курсе давних делишек своего капитана. Твое невежество следует из твоей малой значимости.

Шакал еле сдержался, чтобы не зарычать в ответ. Он видел Месителя считаное число раз и никогда не встречался с ним в одиночку, но высокомерие этого хиляка неизменно его удивляло. Уродливый и нагой, он был прирожденным обитателем болот, но разговаривал, словно чертов король. Они с Ваятелем вели свои дела уже много лет, и истинная природа их договоренностей оставалась неясной.

Королевский откуп, хранившийся в тех ящиках, был больше, чем копыто собрало бы за всю жизнь, и неизмеримо больше, чем стоило избавление от одного тела. И еще эта эльфийка. Это с ее помощью вождь сделал Месителя своим союзником? Или она требовалась для удовлетворения его извращенных желаний? В таком случае это служило очередным свидетельством того, что Ублюдкам требовалось обновить руководство.

Сделав глубокий вдох, Шакал собрал все свое терпение.

– Меситель. Эта девица, которую ты держишь, может быть из Рогов. Неужели ты хочешь, чтобы за ней все эльфийское копыто явилось на Старую деву?

– Эльфы – не полутяжаки, – парировал Меситель. – Они не приходят сюда по собственной воле.

– Ты не можешь ее держать.

Меситель широко распахнул глаза.

– Да ты, выходит, еще нахальнее, грязнокожий! Ты не можешь мной командовать и не отберешь того, чем уже уплачено. Мои прекрасные вассалы напитаются твоей плотью, пока от тебя не останутся одни кости. И мы вернем их твоему горемычному хозяину в знак нашего недовольства.

Посмотрев через плечо Месителя, Шакал увидел, что его создания начали медленно приближаться. Различить их было трудно – потому что поверхность лагуны теперь покрывал низкий и плотный слой тумана. Более того, этот туман, быстро собираясь, стелился теперь повсюду. Шакал озадаченно посмотрел себе на ноги и увидел, что дымок проходил под ним и опускался за край дорожки, тяжелый от влаги и движимый неясной силой. Меситель, казалось, недоумевал не меньше, и его взгляд теперь был направлен за спину Шакала – туда, где сидел Штукарь.

Пухлый чародей пребывал в расслабленной позе. Из его ноздрей и рта шел дымок. Трубка и странный сосуд, что был к ней прикреплен, наполнял тот же туман, который распространялся теперь над всей лагуной. Твари больше не шевелились.

– Вторженцы, – проговорил Меситель обвиняющим тоном. – Вы усугубляете оскорбление своим приходом этой восточной дьявольщиной.

– Дьявольщиной? – переспросил Штукарь с озорством в прокуренном голосе. – Воистину, единственный дьявол здесь это ты. Что за лицо ты скрываешь под этой людской маской, а, джинн?

– Заморские словца! – вспылил Меситель. – Держи их за зубами, полукровка. Ты вредишь моим слугам своими примитивными уловками.

Шакал не сводил глаз со своего арбалета, нацеленного на Месителя, но услышал, как Штукарь за его спиной поднялся со своего места.

– О да, – сказал чародей. – Они довольно вялы. Друг Шакал, я полагаю, сейчас ты найдешь деву освободившейся. Будь добр, выведи ее наружу.

Шакал сделал шаг в сторону сарая и тут же услышал яростный рев.

Меситель рванулся вперед, его ноги вырвались из маслянистого столба, что их окутывал. Шакал спустил крючок арбалета, послав стрелу. Та угодила Месителю в мясистое бедро, но он этого будто и не заметил.

Весь голый, он с криком врезался в Шакала, с размаху ударив его по челюсти, и только потом приземлился на настил. Шакал, ослепленный болью, упал и покатился по неровным доскам. Чудом ему удалось не свалиться в коварную воду лагуны и даже вскочить на ноги прежде, чем у него полностью прояснилось зрение.

Меситель схватил Штукаря за горло, поднял его над настилом. Арбалет по-прежнему оставался у Шакала в руке. Вынув одну из последних стрел, что оставались у него в колчане, он зарядил тренчало и уперся прикладом в плечо, затем быстро прицелился и спустил крючок. Тетива натянулась, и стрела со свистом вонзилась Месителю в ребра. Попадание было что надо. Стрела должна была пронзить легкое и остановиться в сердце. Она убила бы даже самого крупного орка. Но Меситель даже не крякнул. Он продолжал душить Штукаря.

– Ну на хер, – сказал Шакал.

Чародей оказался прав. Это был не человек.

Отбросив арбалет, Шакал вынул тальвар и пошел в атаку. Он на бегу вскинул изогнутое лезвие и яростно обрушил его, намереваясь рубануть по вытянутым рукам Месителя, но демон стремительно развернулся, подставляя под клинок Штукаря. Шакал прервал выпад, вывернув меч так отчаянно, что выронил его из руки. Сам же по инерции врезался в зависшего над настилом чародея. И, отскочив от широкой спины Штукаря, снова повалился на доски. Зарычав, Шакал вскочил и, словно бык, бросился на Месителя. Он ударил плечом болотника в живот и обхватил его туловище руками. Но толку вышло не больше, чем если бы он атаковал дерево. Меситель лишь слегка качнулся от удара, но удержался на ногах сам и не выпустил Штукаря. Шакал оказался зажат между зависшим чародеем и Месителем.

С яростным криком Шакал подался всем весом назад, надавив на врага каждым своим мускулом. Он почувствовал, что равновесие пошатнулось, и все трое упали. Шакал, сдавленный между союзником и противником, услышал, как Штукарь успел набрать воздуха в легкие, тогда как дыхание Месителя сбилось. Не отпуская врага, Шакал перекатился и толкнул Месителя в сторону сарая, а потом быстро вскочил на ноги.

Болотник оказался быстрее.

Он вскочил на ноги прежде, чем Шакал успел вновь обрести равновесие, и уже летел на него, сжав в кулаки длинные белые руки. Меситель являл собой большой мешок с мясом и костями, с едва видными мышцами, но Шакалу приходилось отчаянно уворачиваться от его ударов, поскольку он знал: одного такого достаточно, чтобы проломить ему череп.

Узкая дорожка не располагала к маневрам. Шакал не мог плясать и уворачиваться вечно. Он дождался, пока Меситель сделал слишком сильный выпад, и тогда ринулся на него, отвел атакующую руку и ударил противника коленом в живот. Оперение стрелы торчало у Месителя из бока, и Шакал всадил ее глубже основанием ладони. Меситель крякнул и пошел на него, вытягивая вперед руку, чтобы схватить его за горло. Шакалу удалось отмахнуться от его руки, но Меситель приложился ногой к его груди, выбив из нее весь воздух. Тропинка взметнулась ему навстречу, и его захлестнула дурнота. Его бы стошнило, если бы в горле не возник крик, вырвавшийся из легких, когда Меситель наступил ему на левое предплечье, раздробив кость.

Шакал перекатился по настилу, корчась от боли. Он слышал ужасные стоны и понимал, что кричит он сам. Стараясь не потерять сознание, он огляделся вокруг.

Штукарь, все еще судорожно втягивая воздух, поднялся на колени. Меситель отвернулся от Шакала и зашагал к чародею, намереваясь его прикончить. Колдовской туман над лагуной тем временем рассеивался, и твари зашевелились. Ближе всего к дорожке была самая крупная из них, которая изрыгнула своего хозяина, она до сих пор стояла почти вертикально, неподвижная в тисках дыма, что сочился из трубы Штукаря. Что бы ни сделал с ними чародей, надолго этого бы не хватило.

Придерживая свою беспомощную руку, Шакал задыхался от неумолимой боли. Это было безумие! Месителя нельзя было ранить. Им было суждено умереть, погибнуть от руки болотного демона, облеченного в людскую плоть. Одному черту было известно, что станет с несчастной эльфийкой, связанной и отданной во власть грязесосущего мерзавца. У Шакала внутри заклокотала ярость.

– Ну на хер, – прорычал он.

Стиснув зубы, он встал и устремился к Месителю. Стук его ботинок по настилу насторожил демона, но было слишком поздно. Гигант успел лишь наполовину развернуться, когда Шакал врезался в него.

Шакал впечатался низко опущенным плечом Месителю в ноги. Тот, потеряв равновесие, завалился назад, оторвавшись от земли, его ягодицы и нижняя часть спины рухнули на шею и лицо Шакала. Сломанная рука протестующе заревела, и Шакал обвил ей шею схваченного врага, прижавшись спиной к его плечам. Меситель сопротивлялся, впиваясь мощными пальцами в треснувшие кости Шакала. Изо рта полуорка выплеснулась боль и рвота, но он просу-

нул здоровую руку между брыкающихся ног гиганта и вцепился в мягкую плоть его гениталий. Он хорошенько их сжал и услышал визг. Сопротивление Месителя стало совсем отчаянным и безудержным.

– Больно, да? – поддел его Шакал. – Демон ты или нет, некоторые части тела все равно нужны. Зачем бы еще нужно было связывать голую девку? – Он отпустил хозяйство Месителя ровно настолько, чтобы сжать кулак и начать слепо колотить по обмякшему органу. С каждым ударом он победоносно вопил: – Ты! Болотный! Траханый! Урод!

Крутанувшись на месте, Шакал замахнулся и швырнул Месителя в лагуну. Тот с громким всплеском всколыхнул черную поверхность воды и исчез в пене поверх встревоженной грязи.

Пошатываясь, запыхавшийся Шакал заметил Штукаря – тот уже держал на руках все еще бесчувственную эльфийку.

– Бежим! – закричал Шакал и заковылял за ринувшимся прочь чародеем.

Они с грохотом неслись по сходням от дома Месителя. Когда они пробегали мимо тварей в лагуне, те яростно дрожали, стараясь избавиться от вялости, вызванной колдовским дымом. Шакал не знал, как долго твари пробудут в таком состоянии. Поэтому сосредоточился на том, чтобы как можно скорее пересечь болото. Оглядываться назад он не отваживался.

Глава 8

Штукарь упал. Он не жалел себя, но вес эльфийки вкупе с его собственной тяжестью быстро истощили его силы.

Когда его спутник набрал полную грудь влажного воздуха, Шакал остановился. Он сам хромал от боли и спотыкался столько же раз, сколько Штукарь. Оба грязные, они промокли, постоянно оступаясь на бегу в болото.

Рискнув наконец обернуться, Шакал сощурился. За пройденным болотом он больше не видел построек Месителя. И, хвала всем мертвым богам, не видел признаков погони. Это ничего не означало. Они двигались мучительно медленно. Прошли ли они хоть милю? Или две? Меньше? Это было неважно. Они еще не добрались до свинов, а только благодаря свинам они могли выжить.

Шакал подошел к лежащей эльфийке. Низкий, страдальческий рык вырвался у него из груди, когда он поднял из грязи ее обмякшее тело.

– Друг Шакал, – запротестовал Штукарь. – Твоя рука…

Шакал ничего не ответил – он был слишком изнурен, чтобы говорить. Лишь приложив всю свою волю, он положил женщину на правое плечо и перекинул сломанную руку через ее поясницу. Здоровая рука была ему нужна, чтобы не упасть в грязь лицом, если упадет – *когда* упадет.

Они плелись дальше, уже не пытаясь бежать. Уходящее солнце и прибывающие мухи были непреклонны – и оба как бельмо на глазу.

– Уверен, что идем верным путем? – спросил Штукарь спустя некоторое время.

Шакал снова не ответил. Он знал примерное направление, где должны быть деревья, у которых они оставили свинов, но из-за сломанных костей и отчаянного бегства от опасности его память сильно затуманилась. Вернуться было бы непросто, даже оставайся он спокоен и невредим. Старая дева являла собой однообразный ад, где был только песчаный тростник и стоячие лужи. Требовались годы, чтобы хорошенько ее изучить, и все эти годы она убивала бы исследователей. К тому же Штукарь сам знал ответ на свой вопрос. Зачем было спрашивать, если уверен, что Шакал вел в нужную сторону?

Спустившаяся ночь вынудила их прекратить движение. Даже с помощью орочьих глаз шансы найти свинов в темноте были невелики. Штукарь помог Шакалу опустить эльфийку на землю, и они плюхнулись рядом. Свет им заменили насекомые, оглушительные в своем множестве. Шакал позволил себе расслабиться в этом шуме, отдавшись свободе бессилия. Они не могли идти, не могли сражаться. Они бы не увидели тварей, которые подберутся к ним в темноте, – их черные тела казались бы просто тенями, пока не стало бы слишком поздно. Шакал ничего не мог поделать. Это было превосходное облегчение. Он мог пережить ночь, а мог и не пережить – как бы то ни было, он мог скоротать время в великолепном, неизбежном бессилии.

Штукарь оказался предприимчивее.

Шакал услышал, как он роется в мешке, который чудом умудрился сохранить. Затем – звук рвущегося шелка. Притупленным от боли и истощения разумом Шакал смутно осознавал, что чародей накладывает шину ему на руку и дает пожевать какой-то горький комок. Остальная часть ночи прошла под лягушачьи песни в лихорадочном забытьи.

Утро застало всех живыми. Открыв глаза, Шакал увидел, что Штукарь сидит перед эльфийкой на корточках и снимает с нее пиявок, присосавшихся к девице ночью. Чародей смастерил ей грубое одеяние, использовав одну из множества тканей, составлявших его наряд, и когда закончил избавлять эльфийку от кровососов, надел ей рубаху через голову, подпоясав ее длинным шнуром.

– Она не приходит в себя, – произнес Штукарь безо всякой надобности.

У Шакала во рту стоял мерзкий привкус. Он наклонился, чтобы сплюнуть, и тут заметил тень. На фоне утреннего солнца она пронзала бледную траву, больше раздаваясь в длину, чем в ширину, и поглощая силуэт самого Шакала.

– На землю! – крикнул он и рухнул лицом вниз, тут же перекатившись по земле.

Раздался яростный крик и шелест перьев, и тень исчезла.

Шакал вскинул голову и увидел, как рох выходит из пике, набирая высоту и хлопая огромными крыльями. Штукарь выпрямился, отстранившись от распростертой эльфийки, которую прикрыл своим телом. Но чародею нечего было опасаться: предполагаемой жертвой был Шакал. Зачем гоняться за самым жирным теленком, когда сойдет и раненый?

Рох уверенно поднимался над болотом, удаляясь прочь. Скоро он станет недосягаем и невидим, до тех пор, пока не решится напасть снова. Тогда гигантский хищник снова подберется бесшумно и незаметно.

Штукарь рылся в своем бесформенном мешке, почти занырнув в него с головой.

– Ты глаза-то не опускай, чтоб тебя! – рявкнул Шакал, отводя свой бдительный взгляд лишь затем, чтобы подыскать какое-нибудь оружие. Но ничего не находил. Ни достаточно мощных бревен, ни приличных камней. Только болотная вода и блевотного цвета трава.

Зашипев от досады, Шакал снова стал всматриваться в небо, особенно на восток, где ослепляюще светило солнце. Черт, да он тут вообще ничего не мог сделать! Только теперь эта мысль уже не так утешала его, как ночью. С наступлением утра в нем пробудилась и воля к жизни, ее подпитывала иллюзия, что здесь можно выжить, что исход определяет борьба. Это была жестокая ложь. Двадцать человек могли бы укрыться в тени крыльев этого роха. Даже имея арбалет, полный колчан стрел и две здоровые руки, Шакал с трудом сумел бы сбить такую птицу. А что теперь – он ползает в поисках камней, которыми можно швыряться.

Штукарь продолжал рыться в своем мешке. Интересно, зачем – чтобы еще покурить? Нет, единственный их шанс состоял в том, чтобы бросить эльфийку, подарив роху более легкую добычу, чем раненый полуорк. Эта мысль только сильнее его разозлила, раздула в нем пламя борьбы. У него еще оставался полный рот зубов. Так что пусть пернатое чудище возвращается! Он по-прежнему будет здесь.

Рох не заставил долго себя ждать.

Шакал заметил его на юге – птица летела, опустив одно крыло к земле, заходя на новый круг. Она не собиралась резко снижаться. Нет, птица готовилась пронестись над ними, клювом вперед. Черт, она хотела, чтобы ее видели, хотела спугнуть свою добычу и обратить в бегство, чтобы ее легче было заполучить.

– Что бы ты там ни делал, давай быстрее! – крикнул Шакал через плечо, подгоняя Штукаря.

Рох уже планировал над болотом. Прирожденный, грациозный охотник, уверенный в своем умении убивать. Пока расстояние между ними сокращалось, Шакал сопротивлялся желанию броситься бежать, а только наблюдал за тем, как птица увеличивается в размерах с каждым ударом его сердца.

Перед глазами Шакала промелькнуло два предмета, так быстро, что он едва успел их заметить, – в воздухе раздался только еле слышный шелест.

Рох пронзительно взвизгнул, когда в него попали тренчальные стрелы. Он накренился на лету, изменив направление и отчаянно захлопав крыльями. Шакал обернулся и увидел четырех свинов, хлюпавших по болоту. Двое были под ездоками. И он хорошо знал их силуэты.

Овес и Блажка перезаряжались на ходу, и их тетивы щелкнули, когда они сделали новый залп по удаляющемуся роху. Очажок и свин Штукаря следовали за ними, когда они пробирались через болото, разбрызгивая болотную воду во все стороны.

Шакал уже широко улыбался, когда его друзья натянули поводья у него перед носом. Овес крепко прижимал к плечу направленный в небо арбалет. Блажка уперла приклад своего оружия в бедро и посмотрела на Шакала, покачав головой.

– Старая дева-то тебя захомутала, – заметила она. Ее кожу покрывали влажные травины. – Ты должен был ехать через болото, Шакал, а сам дал ей сидеть у себя на лице всю ночь.

Отвечать у него не было времени. Очажок подбежал и уткнулся в него мокрой мордой так сильно, что едва не сбил с ног.

– Радуйся, что этот свин так хорошо помнит твой запах, – сказала Блажка.

– Это Ур привел тебя к нему, – сказал Шакал, посмотрев на Овса. Это был не вопрос.

Бугай не ответил, но на его лице появилась улыбка, когда он погладил своего борова между ушами. Уродище фыркнул.

Штукарь откашлялся.

– Если вы поможете мне положить эту женщину на моего свина, я присмотрю за ней, пока мы будем выбираться отсюда.

Блажка скривила губу.

– Значит, ты похитил у вождя его любимого чародея и теперь вы вдвоем собираете голых мертвых эльфиек.

– Она не мертвая, – возразил Шакал. – И Штукарь прав. Нам нужно убираться с этих чертовых болот.

– Штукарь? – спросила Блажка.

Чародей опустил подбородок.

– Ухад Уль-Бадир Тарук Ультани, к вашим услугам.

Не опуская прицела, Овес усмехнулся и покачал головой.

– Штукарь так Штукарь, – проговорила Блажка, спешиваясь.

Она с легкостью могла бы поднять эльфийку и сама, но Шакал и Штукарь пришли ей на помощь. Чародей залез на спину борова и прижал бесчувственную девицу к своему огромному туловищу, будто малого ребенка.

– Что там случилось? – спросила Блажка, стреляя взглядом на раненую руку Шакала.

– Потом.

Она собиралась было настоять на своем, но грубый голос Овса заставил их обернуться.

– Птица возвращается.

Блажка выпустила воздух сквозь зубы.

– Пора всадить уже стрелу этому коршуну в глаз.

Вернувшись к своему свину, она вскочила в седло и вскинула арбалет. Рох надвигался решительно, его крошечный мозг не мог отказаться от добычи. Когда птица приблизилась, заслонив солнце, Шакал перекинул ногу через Очажка и выдернул дротик из своей упряжи. Но дротик ему не потребовался. Блажка была лучшим стрелком в копыте и возмещала этим все свое бахвальство. Роху было суждено упасть со стрелой в глазу, да и Овес тоже едва ли мог здесь промахнуться.

Гигантская птица резко рванула вперед, вынырнув из своего пике, чтобы пронестись над болотом. Она уже подлетела достаточно близко для выстрела, но Овес и Блажка выжидали момент для смертельного удара. Рох приближался с каждым взмахом своих внушительных крыльев – Шакал с трудом сдерживался, чтобы не поторопить своих спутников. Клюв раскрылся, издав крик, который, казалось, исходил со всех сторон, но только не от самой птицы. Крылья сложились и оттянулись назад, чтобы поймать воздух крупными бесцветными маховыми перьями, выставив для атаки когти.

Овес выпустил стрелу, пронзив птице грудь, но это ее не остановило. Она раскрыла когти – длинные, как ятаганы.

– Блажка! – крикнул Шакал. – Вали ее!

Болото перед рохом вдруг всколыхнулось. Вода каскадом взметнулась в воздух, и вверх взмыла черная фигура. Очажок и остальные боровы завизжали, отпрянув от внезапной преграды, возникшей между ними и птицей.

Шакал распахнул глаза.

Это было самое большое месиво, что ему когда-либо доводилось видеть. Выпрыгнув из воды, она протянулась со страшной скоростью, и в какой-то ужасный миг черная масса, принявшая форму, подобную роху, развернулась в идеальной симметрии, чтобы схватить птицу в воздухе. Менее чем за мгновение хищника поглотило вязкое создание, выскочившее из трясины, будто змея.

– ГОНИ!

Шакал не понял, кто из его друзей это прокричал. Может быть, он сам.

Очажок среагировал инстинктивно, развернувшись прямо на бегу и устремившись прочь от чудовищного создания. Шакалу пришлось выбросить дротик и схватиться здоровой рукой за гриву свина. Он вцепился в нее изо всех сил, когда боров помчался поперек болот, огибая трясины и перескакивая с одного островка твердой земли на другой. Шакалу ничего не оставалось, кроме как доверить поиск безопасного пути своему варвару. Со сломанной рукой он не мог рисковать, хватая Очажка за свинодерги, поэтому просто держался за щетину зверя и сосредоточился на том, чтобы не выпасть из седла.

Штукарь был чуть впереди, изо всех сил стараясь удержать и себя, и эльфийку на спине у свина, мчавшегося по трудной местности. Чародей был дурак, что скакал без седла, а Шакал – дважды дурак, что позволил ему взять под опеку бессильную эльфийку. Без седла пухлому колдуну нечего было и надеяться удержаться на свине, учитывая скорость, с которой тот несся, охваченный паникой.

Шакал обернулся на ходу. Овес и Блажка скакали по бокам от него, менее чем в четырех шагах. А за ними он увидел кошмар наяву.

Огромное месиво двигалось следом, пробираясь по болоту волной голодной черноты. Вздымаясь или опадая, вязкое чудище переливалось через сушу и пересекало лужи, яростно разбивая воду. Тварь была так широка, что ей не нужно было гнаться за ними прицельно. Если бы она их настигла, сбила бы всех одним махом, поглотив черной плотью.

Шакал махнул Овсу с Блажкой сломанной рукой, чтобы те догнали его. Блажка приблизилась первой, и Шакал указал ей на спину Штукаря, без слов давая понять, что чародею нужна помощь. Блажка пнула своего борова пятками и начала сокращать расстояние.

Обернувшись снова, Шакал увидел, что месиво понемногу отставало, но чувство облегчения тотчас развеялось. Свины не могли поддерживать такой темп. Они устанут задолго до того, как покинут пределы Старой девы. Это месиво будет неотступно преследовать их, не нуждаясь в передышке.

Тем временем впереди Блажка поравнялась со Штукарем и жестами велела передать эльфийку ей. Чародей пытался выполнить ее просьбу, но был слишком неуклюж и держался верхом слишком неуверенно, чтобы совершить подобный маневр. Шакал стиснул зубы, чертовски желая, чтобы его рука была сейчас цела. Блажка, скорее всего, потеряет терпение и бросит эту затею, если раньше от раздражения не выбьет Штукаря из седла.

После мучительной серии неудач Блажка ухитрилась схватиться за самодельное одеяние эльфийки и, с неуверенной помощью Штукаря, потащила ее к себе.

Именно в эту минуту эльфийка решила проснуться.

Шакал услышал, как Блажка изумленно ругнулась, когда девица вдруг пришла в сознание. Растерянная и испуганная, эльфийка забилась у них в руках и пнула по ребрам свина, на котором ехал Штукарь. Варвар пошатнулся, и чародей выпустил девицу из рук. Блажка попыталась удержать ее одной рукой, но потеряла равновесие и вылетела из седла, когда ее свин влетел в густой тростник. Обе женщины упали на землю и перекатились по сырому дерну.

– Давай! – крикнул Шакал, указав на эльфийку.

Овсу не нужно было указывать. Он уже направил Уродище к девице. Шакал устремился к Блажке. Она уже стояла на ногах лицом к нему, широко расставив ноги, слегка подпрыгивая на подушечках стоп. Когда Очажок промчался мимо, Шакал протянул раненую руку и, сжав челюсти, позволил Блажке проделать все остальное. Она ухватилась за него и оторвалась от поверхности. Шакал закричал от боли, когда она запрыгнула ему за спину. Справа от них Овес схватил эльфийку за волосы и перекинул животом вниз через луку своего седла.

– Какого хрена творит этот жирдяй? – прокричала Блажка Шакалу в ухо.

Штукарь был прямо перед ними. Стоя на ногах. Он развернулся к ним лицом, но смотрел им за спины. Шакалу не нужно было оборачиваться, чтобы понять, куда смотрел чародей. Он чувствовал, что месиво находилось там, воплощая неумолимую месть.

Шакал обошел чародея на дюжину шагов, прежде чем развернуть Очажка обратно.

– Что ты делаешь? – с вызовом спросила Блажка. – Двигай дальше!

Овес, оказавшись рядом, натянул поводья. Эльфийка слабо сопротивлялась, но бугай крепко ее держал, прижав сильной рукой к седлу.

– Шак? – сказал он. – Что мы делаем?

– Нельзя ездить по трое, – предостерегла Блажка. – Даже Уродище не вывезет этот мешка с салом.

– Она права. – Овес хмыкнул. – Нужно идти.

Не обращая на них внимания, Шакал наблюдал за чародеем.

Пропитанные грязью одежды Штукаря тяжело висели на его грузном туловище. Он не поворачивался посмотреть, вернулись за ним или нет, но уверенно стоял, наблюдая за приближающейся громадиной твари. Время от времени он поднимал правую руку и запрокидывал голову, будто пил. Шакал заметил у чародея большой графин, сверкнувший на беспощадном солнце.

– Брат? – прогремел Овес. – Что мы делаем?

– Черт, валим уже! – Блажка горячо дышала ему в шею.

– Нет, – сказал Шакал.

Месиво уже почти настигло Штукаря, все выше вздымаясь по мере приближения, пока чародей не показался совсем крошечным на фоне черной стены. Волна достигла апогея и ринулась вниз, жаждая обрушиться на чародея.

Штукарь запрокинул руки, воздел голову и топнул ногой. В следующий миг взметнулся рой пепла, а за ним поднялся неистовый, завывающий ветер. Обжигающий ветер. Бесчисленные пылающие гранулы атаковали месиво, били в черную оболочку и останавливали его продвижение. Шакал и его друзья вздрогнули, когда на них невидимой волной обрушился поток обжигающего воздуха. Орда горячих частиц сыпалась из Штукаря, и когда он поворачивал голову из стороны в сторону, чтобы охватить всю ширину твари, Шакал увидел, что они вылетали у чародея изо рта. Раздувая щеки, Штукарь изрыгал адские пылинки, каждая из которых была порождением неведомых насекомых и огня. Они летели точно в тело твари, тысячами врезаясь в ее чернильную поверхность, и она покрывалась волдырями.

Существо рвалось вперед, стремясь дотянуться до чародея, но легкие Штукаря были словно бездонны. Несколько ужасных мгновений казалось, что противостояние между месивом и огненным роем зашло в тупик, но затем Шакал увидел, что чернота начала отступать. Плоть твари расслаивалась, раздираемая миллионами крошечных огоньков. В самой ее глубине показался Меситель.

– Черти чертовские! – выдохнула Блажка.

Шакал, сцепив зубы, наблюдал, как месиво осыпалось с висящего в ее объятиях человека. Взгляд Месителя был устремлен на Штукаря, его лицо дрожало от ярости. Он закричал, когда пламя достигло его, и это был звук, на который был способен только зверь. Его бледная

плоть порозовела, а потом стала обгорать. Красные подпалины проступили у него на лице и на животе. Дико взвыв, Меситель отшатнулся и еще глубже погрузился в месиво, когда чудовищное создание стало проваливаться в трясину. От воды, в которую он опускался, исходил пар.

Шакал, Овес и Блажка неподвижно сидели на свинах, когда Штукарь повернулся и медленно, спокойно подошел к ним. В руке у него был помятый медный сосуд, обильно покрытый патиной. Убрав его обратно в мешок, Штукарь поднял глаза и дружелюбно оглядел полуорков.

– Как? – спросил Овес, медленно качая головой.

Штукарь минуту помолчал, а затем широко пожал плечами.

– Так, чтобы вы поняли? – произнес он с улыбкой. – Это долбаная магия.

Глава 9

Пока они не отошли достаточно далеко от Топей Старой девы, никто не проговорил ни слова. Только тогда Блажка остановилась у рощи фиговых деревьев на берегу Алундры. К счастью, им со Штукарем удалось вернуть своих свинов прежде, чем те достались рохам или засасывающим трясинам. Все были грязными и уставшими, но сон мог и подождать. Сейчас гораздо важнее было получить ответы.

– Почему Меситель хотел нас убить? – решительно спросила Блажка, спешившись и шлепнув своего свина, чтобы тот пошел напиться к реке.

– Потому что мы забрали ее, – ответил Шакал, кивнув на эльфийку, которую Овес как раз снимал со своего седла. Ее ноги подкосились, как только коснулись земли, но она тут же по-крабьи уползла в укрытие под деревьями, бросив дикий взгляд на полуорков.

– Мир, – сказал ей Штукарь ласково, присев на корточки и разведя руки. – Вас никто не обидит.

– Кто она? – спросил Овес, нависая над спрятавшейся девицей.

Шакал поманил друга рукой. Затем отвел Блажку с Овсом поближе к реке, предоставляя Штукарю возможность успокоить спасенную пленницу.

Шакал покачал головой.

– Я не знаю. Но она может быть из Рогов. И может быть платой вождя Месителю за его помощь.

– Черт! – выругалась Блажка, распаляясь.

– Ты уверен? – Бородатое лицо Овса помрачнело.

– Нет, – ответил Шакал. – Ни в чем не уверен. Нам нужно выяснить. Но у нас не выйдет, если ты будешь и дальше стоять над ней, как страшная бородатая гора.

Овес улыбнулся, и напряжение на его лице спало. Блажка ударила его кулаком в предплечье.

– Чудовище трикровное, – поддразнила она.

Овес смущенно отвел ее руку. Все трое улыбнулись.

– Спасибо, что спасли мою шкуру, – поблагодарил Шакал друзей.

Овес схватил его за плечо.

– Мы будем ее спасать, пока живы, брат.

– А мне сдается, нам стоит сказать спасибо этой Свиной ножке, – заметила Блажка, указывая большим пальцем на Штукаря.

– Мне все еще хочется узнать, как он это сделал, – пробормотал Овес.

Чародей, сумев подобраться к эльфийке, предлагал ей бурдюк с водой.

– Штукарь – это отдельная загадка, – сказал Шакал, – но ее не обязательно решать прямо сейчас. Что вы выяснили у Санчо?

Овес сердито хрюкнул, и ответ дала Блажка.

– Мы не смогли добраться до него, Шак. Там повсюду солдаты кастили.

– Ребята капитана Бермудо?

Овес угрюмо кивнул.

– Копье мне в задницу! – выругался Шакал. Бермудо взял Санчо в тиски. И скоро должен был начать поиски своих пропавших кавалеро. Теперь они превратились в жирный пепел, но это едва ли имело значение: урон уже нанесен.

Блажка посмотрела на Овса.

– Лучше бы ты убил его тем ведром.

– Может быть. – Овес поднял тяжелые брови. – Может быть, нам нужно было убить их всех сразу. В кастили поднялась бы суета, зато Игнасио смог бы все уладить, окажись у него на ладони достаточно серебра. Трудно представить, что может быть хуже, чем сейчас.

– А если я скажу вам, что Игнасио заманил тех кавалеро в Горнило и Ваятель приказал мне и Колпаку их убить? – спросил Шакал.

Овес посмотрел на Блажку.

– Ну да, – проговорил он.

– Это хуже, – согласилась она.

Мысль о капитане-простолюдине заставила Шакала сделать паузу.

– Санчо солгал и Игнасио, – сообщил он. – Он сказал ему, что отдал Месителю лощадь Гарсии, как договаривались.

– И? – Блажка пожала плечами. – Все в Уделье знают, что Игнасио берет монеты от Ваятеля. Если Санчо помогает Бермудо и играет против нашего копыта, то у него есть все причины лгать Игнасио.

– Знаю, – проговорил Шакал, и в его усталость вгрызлось раздражение. – Но если Бермудо надавил на Санчо, чтобы получить лощадь, то почему было не забрать и тело Гарсии? Что-то здесь не так.

– Давайте уже возвращаться в Горнило, – предложил Овес. – Там все выясним.

Шакал издал короткий горький смешок.

– Последнее место, где мне сейчас хотелось бы оказаться. Я ушел без приказа. Ваятель живьем спустит с меня шкуру.

Овес почесал бороду.

– Тогда что?

– Будем хорошими полукровками и сделаем, что нам велено, – проговорила Блажка ядовито и хлопнула Овса по груди. – У нас есть приказ. Найти ответы.

– Тогда давай начнем с вопросов, которые стоят прямо перед нами. – Не сводя глаз с эльфийки, Шакал шагнул к фиговым деревьям.

Штукарь остановил его на полпути, успокаивающе выставив вперед свои пухлые, унизанные кольцами руки.

– Она еще слишком напугана.

– Мне нужно только поговорить с ней. – Шакал обошел чародея.

– Это невозможно.

Шакал остановился и резко развернулся на каблуках.

– Почему? Ты хочешь мне сказать, что такой умный губошлеп, как ты, не чирикает по-эльфийски?

– Только несколько слов, – ответил тот. – Просто чтобы выразить дружелюбие. Но дело не в этом. Она не разговаривает. Вообще. Может быть, она никогда не разговаривала. Но мне кажется, это последствие пыток.

Шакал повернулся, нахмурившись. Девица наблюдала за ним из тени деревьев, прижав колени к подбородку. Взгляд узковатых глаз был устремлен на него. Стараясь ступать медленно и плавно, он подошел к девице и присел на корточки в нескольких шагах от нее. Она немного отодвинулась, ее загорелые жилистые руки потянулись к ногам, пытаясь защититься. Шакалу показалось, что она всего на несколько лет моложе его. В глазах было больше сопротивления, чем мудрости, а в движениях – больше страха, чем готовности к борьбе. И все же в плену у Месителя даже самые стойкие обессилели бы. В этой девице, несмотря на ее позу, чувствовалась сила.

Шакал старался не улыбаться, чтобы лишний раз не показывать нижние клыки. Полуорки не были редкостью в Уделье, но если эта эльфийка всю жизнь прожила под защитой своих сородичей в уединенном Псовом ущелье, вид грязнокожего полукровки ей мог показаться

непривычным. Несмотря на лесть многочисленных шлюх, которые говорили, что он самый привлекательный полукровка, какого им доводилось видеть, Шакал знал: ему было далеко до врожденной красоты, свойственной представителям эльфийского рода. Изможденный и грязный после болота, он наверняка казался несчастной девице демоном похлеще Месителя.

Смахнув с левого плеча грязь здоровой рукой, Шакал указал на татуировку – след от свиного копыта, опутанный рваными цепями. Он ничего не сказал, дожидаясь, пока эльфийка посмотрит на знак, и наблюдал за ее реакцией. Увидев татуировку, она замерла, но не потому, что успокоилась. Нет, это было отстраненное принятие, будто она смирилась со смертью, хоть и продолжала еще дышать.

– Серый ублюдок, – медленно проговорил Шакал, постучав пальцем по татуировке. – Знаешь, что это?

Эльфийка взглянула ему в лицо, но никак не показала, что поняла его. Шакал медленно указал на девицу, затем изобразил жестом рога и приложил большой палец к виску.

– Ты из Рогов?

Он даже не знал, называли ли эльфы свое копыто так же, как они, но это было лучшее, что он мог сделать. Девица молчала, но никакого замешательства на ее лице не отражалось.

Бросив показывать рога, Шакал провел костяшками пальцев по грязным волосам, имитируя процесс бритья головы.

– Рога?

В ее глазах едва заметно мелькнуло понимание.

Шакал опустил руку и вдохнул через ноздри. Затем, встав, попятился назад, пытаясь подбодрить девицу взглядом, тем временем готовясь к неожиданностям. Он остановился возле Штукаря и, мотнув головой, подозвал Овса и Блажку. Все трое выжидающе смотрели на него.

– Она из Рогов, – сообщил им Шакал почти шепотом. Овес фыркнул, Блажка ругнулась.

Штукарь наблюдал за ними, его рот приоткрылся в изумлении.

– Боюсь, я не понимаю.

– Это эльфийское копыто в Уль-вундуласе, – объяснил Шакал. – Мы называем их Рогами, потому что они ездят на оленях. Они заняли большой участок гор и высокогорных лесов, когда в Гиспарте распределяли земли.

На пухлом лице чародея отразилось осмысление.

– После Нашествия, да? Припоминаю, я об этом читал.

– Они прячутся в овраге, который называется Псовым ущельем, – пробурчал Овес. – Обычно они держатся сами по себе и не терпят чужаков.

– Тех, кто заходит на их земли и похищает их женщин, – вставила Блажка, бросив острый взгляд на Штукаря.

– А-а, я понимаю.

– Нет, не понимаешь, – ответил Шакал, наклоняясь к чародею так близко, что говорил почти прямо ему в ухо. – Нам всем нужно следить за ней в оба глаза. Потому что, помяни мое слово, эта остроухая бродяжка убьет себя, как только мы отвернемся.

Он подождал, пока смысл его слов дойдет до Штукаря, и только потом выпрямил спину. Лицо чародея оставалось безмятежным.

– А сейчас, я думала, он будет… в замешательстве. – Блажка хихикнула.

– Нет. Вовсе нет, – ответил Штукарь. – Это вполне разумно. Эльфы обособились ото всего известного мира – замкнутый народ. Они стали расой беглецов с тех пор, как их родину…

– Завались уже, мордастый, – оборвала его Блажка. – Шакал, что нам с ней делать?

У Шакала не было готового ответа.

Зато он был у Блажки.

– Лучше всего оставить ее здесь. Дать ей нож и уйти. Рога убьют нас, если увидят с ней.

– Оставить ее здесь одну – это все равно что самим перерезать ей горло, – сказал Овес.

Блажка закатила глаза.

– Тогда забудем про нож и дадим ей упасть с обрыва, как только отвернемся. Остроухие не выносят унижений. С этим ничего не поделаешь.

– А что, если мы ошибаемся? – Шакал покачал головой. – Ведь судя по всему, что мы знаем про Рога, она должна будет умереть в Псовом ущелье.

– Нет, это ты уже бред выдумываешь, – сказала Блажка.

– А вдруг, Блажка? У нее вода под боком, солнце по-прежнему встает на востоке. Она не убьет себя, она захочет вернуться к своим. А если сможет говорить по-своему, что она там расскажет? Что ватага полуорков спасла ее от Месителя, да, конечно. Но вот как она попала в этот плен? Потому что я готов поспорить, что в ее рассказе обязательно будет фигурировать лысый полукровка в шрамах и с кожей цвета змеиного брюха. Мало кто подойдет под такое описание.

– Думаешь, в этом замешан Колпак? – спросил Овес.

– Если это сделано по приказу вождя, то кто еще? – произнес Шакал. – Кочевникам хорошо известна его репутация. И эльфы быстро узнают, где он сейчас обретается. А мы уводим ее от Месителя. Меситель водит дела с копытами полукровок, это все Уделье знает. И где держали эту девицу, пока он ее не забрал? У Санчо. Санчо! Еще один известный товарищ Серых ублюдков. Каждый новый поворот в истории этой девицы указывает на нас. Если она заговорит – будет война. Или ты думаешь, Рогам, которые совершат налет на Горнило, будет дело до того, что мы втроем ее спасли? Мы для них будем просто тремя полуорками, с которыми нужно разобраться. Вы еще хотите ее отпустить?

– Черт, Шакал, – ответила Блажка, – она и так уже полумертвая. Ей не добраться до Псового ущелья.

– Мы не можем так рисковать. Нам нужно взять ее с собой.

Блажка не была готова уступить.

– А тебе не кажется, что у нас и так хватает забот?

– Хватает. И она нам понадобится, если мы хотим все уладить.

– Она выглядит умалишенной, Шакал. Какой с нее толк, если она не может говорить?

– Мне и не нужно, чтобы она говорила. Хватит, если она просто покажет пальцем. Один взгляд на Колпака, и она поймет, кто отвел ее к Санчо, и никто в копыте не сможет отрицать, что Ваятель приказал ему это сделать. Что он рискнул развязать войну с Рогами, а значит, он недостоит быть вождем! Это наш шанс. Наконец мы сможем от него избавиться!

Слишком поздно он потом понял, что сказал. Гнев, усталость и сломанные кости усыпили его бдительность. Блажка и Овес насторожились, но не смотрели на него. Шакал проследил за их взглядами – там стоял Штукарь, рассматривавший их с озадачивающей веселостью. Если он и шпионил на Ваятеля, то хорошо это скрывал.

– Или ты сам только что дал ему все, что нужно, чтобы наконец избавиться от тебя, – сказала Блажка, и в ее тихом голосе прозвучало одновременно сожаление и отвращение.

Шакал пристально посмотрел на чародея.

– Я так не думаю.

– Ты что, сам умалишенный? – воскликнула Блажка. – Он якшался с вождем с тех самых пор, как у нас появился. Ему нельзя доверять!

– Ты сам сказал, нам нужно благодарить его за то, что вытащил нас из болот.

– Потому что он спасал и свою жирную тушку!

Устав спорить, Шакал повернулся к Штукарю.

– Ну что, я могу тебе, на хрен, доверять?

– Можешь, друг Шакал.

– А что бы он еще ответил? – спросила Блажка.

– А какой у нас выбор? – парировал Шакал. – Он все слышал. Все сказано! Теперь ничего не поделаешь! Что ты предлагаешь, Блажка? Чтобы мы втроем попробовали его убить здесь и сейчас?

– Я не соглашусь с таким решением, – сказал Штукарь.

– Так-то. – Шакал направил палец на чародея, но не отводя взгляда от друзей. – Мы все сегодня видели, на что он способен. Хотите еще раз проверить? Лично я нет.

Блажка с жалостью посмотрела на него.

– Даже не знаю, кто тебя сильнее околдовал – эта эльфийская щелка или запеленутый колдун.

Штукарь прочистил горло.

– Если можно…

– Молчать, пузатый! – рявкнула Блажка. – У тебя нет права голоса, когда обсуждаются дела копыта. – И сорвав с себя бригант, швырнула доспехи Шакалу в лицо. – Ты должен помнить, кто ты такой. Серый, мать твою, ублюдок, если ты забыл. Посвященный член копыта! А не защитник эльфийской прошмандовки или брюхастого тирканианца!

– Говори потише, – предостерег Шакал.

– Спокойно, вы двое, – сказал Овес.

Но Шакал уже вышел из себя и агрессивно шагнул навстречу Блажке. Она встретила его на полпути, оскалив зубы и прижав к его лбу свой. Жар их дыханий заплясал в крошечном пространстве между ними.

– Думаешь, я о чем-то забыл? – грозно прорычал Шакал. – Все это ради копыта!

– Все это ради того, чтобы ты стал во главе копыта!

– Кто-то должен это сделать. Время Ваятеля вышло. Если он останется – копыто погибнет. Ты сама это знаешь! Ты хочешь помочь мне найти выход или просто пытаешься дальше мне доказать, что у тебя что-то особенное между ног? Мне нужен твой мозг, Блажка, а не еще один болтающийся стручок!

Они простояли, напирая друг на друга еще несколько мгновений, не ослабляя растущего давления. Когда Шакал надавил сильнее и Блажка дала отпор, выступивший на лбах пот перемешался. Они не отрывали взглядов друг от друга – ее глаза горели. Шакал наблюдал, как Блажка переваривает его слова. Наконец, она ухмыльнулась и резко отпрянула. На ее лице был взгляд триумфа.

– Значит, тебе нужен выход? – спросила она. – Так вот он, прямо из мозга, а не из дырки. Мы убьем эльфийку. Бросим ее обратно в болото. Чтобы никто ничего не рассказал Рогам. Никакой войны. Мы на Свином гребне, очень далеко, и это отлично. И пока ты не начал возражать против того, чтобы запачкать руки кровью, подумай как следует. Если ее сдал Ваятель, что он сделает, как ты думаешь, когда мы явимся с ней и она начнет показывать пальцем? Думаешь, он позволит нам хотя бы дойти до стола голосований? Или мы окажемся в опоросном сарае вместе с Колпаком? Если ты считаешь, что это дает нам шанс, то я скажу тебе, что не стоит и пытаться.

– Шак, – медленно проговорил Овес. – Она права.

Шакал даже не удосужился посмотреть на своего рослого друга – он не сводил глаз с той, кого хотел убедить. Его раздражал ее выпад, мол, он боится испачкать руки в крови, и теперь он не мог сдержать подступающую желчь.

– Да, права. Это наша Ублажка, быстрая, как тренчальная стрела, и столь же непоколебимая, если ее отпустить в полет.

Он увидел, что Блажку передернуло от его слов. Пусть и едва заметно – она постаралась скрыть реакцию, но ей явно было неуютно. Блажка хотела ухватиться за его слова, возгордиться ими, но остерегалась ловушки. Она знала его так же хорошо, как и он ее.

– Мы убили человека, – проговорил он ровным голосом. – И он это заслужил. Сейчас погибли еще шестеро, плюс одну девку продали – для того чтобы скрыть первое убийство. И все по приказу Ваятеля. Он думает, что помогает копыту, но на самом деле хоронит Ублюдков вместе с Гарсией, наживая себе врага в лице Рогов, чтобы оттянуть конфликт с кастилью. Если мы не уладим это сейчас, другой возможности не будет.

Блажка перестала слушать, зацепившись только за первые слова, не в силах их проговорить.

– Я убила человека. Не ты, не Овес. Я! Я убила Гарсию. И мы бы не стояли сейчас здесь, если бы ты позволил мне об этом сказать!

– Ты права. Мы с Овсом и Штукарем были бы сейчас в Горниле и не имели никаких проблем, потому что вождю хочется иметь в копыте чародея куда больше, чем женщину!

Последняя часть фразы резанула слух и ей, и самому Шакалу. Он напрягся, чтобы выдержать боль у Блажки в глазах и куда бóльшую – у себя в груди. Она справилась со своей быстро – Шакал даже не был уверен, что вообще ее видел. Как бы больно это ни звучало, она понимала, что он прав. Блажка медленно набрала воздуха в грудь.

– Похоже, ты все-таки получишь голос, – сказала она Штукарю. – Добро пожаловать в семью.

Чародей ничего не ответил, но Шакал чувствовал его взгляд.

– Так что делаем, Шак? – спросил Овес, когда наступила короткая пауза.

– Возвращаемся к Санчо, – ответил он. – Ставим перед ним эльфийку. Заставляем визжать про их с Ваятелем работорговлю.

Овес небрежно пожал плечами, соглашаясь.

– А что с солдатами Бермудо?

– Придумаем по дороге. Пока же нам надо сделать так, чтобы эта девка меньше была похожа на замученную пленницу. На случай, если увидимся с ее сородичами. – Шакал посмотрел на Блажку, готовясь к новой стычке с ней. – Нужно, чтобы ты помогла ее помыть.

В Блажке едва заметно вспыхнуло неповиновение, но гордость не позволила ей отказаться от столь простого задания.

Не отрывая от него взгляда, она расстегнула пояс с мечом и бросила его на землю.

– Мне и самой не помешает купание.

– Нам всем не помешает, – сказал Шакал с улыбкой, но Блажка оставила без внимания его попытку сгладить углы. Она неторопливо прошла мимо него к эльфийке. Ненавидя себя за то, что не доверился ей, Шакал молча наблюдал, как Блажка медленно убеждала девицу подняться. Когда они направились к берегу, Шакал ткнул Овса по локтю.

– Дадим им немного места.

– Блажка может ее и утопить, – заметил Овес, тяжело ступая рядом с Шакалом.

– Штукарь за ними присмотрит.

Овес усмехнулся и понизил голос.

– Завидую ему.

– Мне кажется, ему было бы интереснее посмотреть на тебя голого, Овес.

Здоровенный трикрат провел рукой по лысой макушке, стараясь не оглядываться через плечо.

– Ты имеешь в виду… он задний?

Шакал тихонько хихикнул.

– Чего не знаю, того не знаю. Может быть.

– Было бы неудивительно. – Овес был скорее заинтригован, чем возмущен. – Говорят же, женщины крадут силу. Готов поспорить, что чародеи должны отрекаться от щелок. А если сцепляться с другими стручками, это придает ему силу, интересно? Как думаешь?

Шакал бросил на друга взгляд притворного ужаса.

– Я не желаю выяснять, насколько ты у нас чародей!

Овес сердито посмотрел на Шакала и презрительно фыркнул, оттолкнув его так, что тот упал. Шакал тяжело приземлился, не сумев вовремя выставить сломанную руку.

– Черт, Шакал! – воскликнул Овес. – Прости, брат.

Смеясь сквозь боль, чтобы облегчить чувство вины друга, Шакал позволил ему помочь себе.

– Тебе нужно с этим что-то сделать, – заметил Овес, хмуро глядя на шину.

– После того, как разберемся с борделем, – ответил Шакал. – Но сначала я хочу смыть с себя Старую деву. Помоги мне спуститься к воде. Только не придумывай больше ничего!

– Ты не настолько симпатичный, Шакаленок. – Овес хмыкнул. – И если уж на то пошло, мне больше по душе жирный чародей. У него хотя бы есть сиськи.

Позже Шакал сидел голый на залитой солнцем скале с видом на Алундру, подставив дневной жаре свою кожу. Он с трудом завязал пучок влажных волос на затылке. Он так и не снял повязку с руки, и шелк теперь намок и сползал. Овес до сих пор стоял по грудь в воде, вымывая грязь из бороды и пытаясь подсмотреть за Блажкой и эльфийкой, которые все еще купались в узкой бухточке, прикрытой большими камнями. В любой другой день Шакал тоже был бы сейчас там в надежде на приятное зрелище, но он слишком устал и не видел конца своим мытарствам.

Оставить эльфийку наверняка было ошибкой. Как и поехать к Санчо. Но Шакал не видел другого пути. Блажка была права. Выступить против Ваятеля, с ранением, имея из аргументов только немую эльфийку, было отчаянным самопожертвованием. Так можно было лишиться всех своих шансов на то, чтобы заменить вождя. Поэтому ему нужно было все разузнать, прежде чем встретиться с остальным копытом.

На спину Шакалу упала тень, и он почувствовал, как пара крепких рук собрала его волосы. Быстрыми, умелыми движениями его влажный пучок связали в хвост и опустили на шею. Задрав голову, Шакал сощурился и увидел Штукаря.

– Я думал, это Блажка, – сказал он, слишком усталый, чтобы скрыть удивление.

– Неужели она смогла бы так быстро тебя простить? – Он чувствовал улыбку в силуэте чародея, слышал в его голосе.

Шакал, пожав плечами, снова повернулся к реке.

– Почему нет? Я же простил. Она ударила меня по яйцам, но разве я затаил обиду?

Штукарь встал рядом с ним.

– Ну да. Но вы оба привычны к насилию, к физической боли. А сегодня, друг Шакал, ты прибегнул к незнакомому выпаду.

Шакалу хотелось, чтобы слова чародея запутали его. Но нашел их даже слишком понятными.

– Ты разве не должен присматривать на нашей заблудшей эльфийкой? – спросил он резко. – Чтобы Блажка не решила утешиться с помощью насилия?

– А что я должен делать, если она так решит? – спросил Штукарь, приправив свой странный акцент легкой грустью. – Убить Блажку за то, что мною пренебрегла? Тогда бы я только стал врагом для тебя и для трикровного. Кому от этого станет легче? Не мне. Не тебе.

– Тогда останови ее, не убивая, – ответил Шакал почти бесстрастно.

Штукарь ему усмехнулся.

– Потому что я такой сильный чародей и все в моей власти? Ты так мало в этом понимаешь, друг Шакал. Нет, я должен с сожалением заявить, что жизнь эльфийки – все равно что легкое перышко в сравнении с доверием твоего копыта. Я должен положиться на терпение твоей подруги и принятие ею тех истин, коими ты ее ранил.

Шакал чувствовал себя раздраженным. И голым. Трудно было отыскать преимущество в споре с мужчиной, когда сидишь у его ног совсем без одежды.

– Почему мы так для тебя важны? – спросил он с вызовом. – Серые ублюдки. Зачем ты к нам явился? Зачем пошел со мной на болота?

Штукарь осторожно опустился на камень. Его лицо и руки были совершенно чисты, хотя Шакал не видел, чтобы он мылся. Чародей сделал глубокий, удовлетворенный вдох и посмотрел через реку.

– Уль-вундулас и вправду чудесный край. И только ты можешь меня по нему провести.

– В Уделье еще семь копыт, кроме нашего, – сообщил ему Шакал. – В любом из них тебя бы приняли.

– Никто, кроме Серых ублюдков, не годится.

Штукарь произнес это как каприз, однако его сжатые челюсти и взгляд, которым он смотрел на воду, указывали на то, что он больше не станет это обсуждать.

– Сегодня я мог сделать тебя врагом, – проговорил Шакал после долгой паузы. – Я про Блажку.

– Весь мир – ее враг, – ответил Штукарь, не отводя взгляда от Алундры. – Иначе она не была бы той, кто она есть.

– А кто, по-твоему, она есть? – спросил Шакал, понимая, что его вопрос звучит до нелепости покровительственно.

Когда Штукарь обернулся, на его лице была ленивая улыбка.

– Та, что способна на внушающее ужас величие.

Шакал крякнул. Штукарь был прав.

– Мне любопытно, – решился сказать чародей, – как она оказалась в вашем братстве. Это же редкость, да? Чтобы женщина вступила в копыто?

– Это невозможно, – ответил Шакал. – Но она смогла. Ну… мы втроем смогли.

– Да тут целая история.

Шакал скривил рот.

– Да не особо. Чтобы ввести в копыто нового члена, его должны предложить двое посвященных братьев. Этого можно добиться, если служишь сопляком, но не обязательно. Потом все решается голосами. Мы с Овсом выдвинули Блажку несколько лет назад. За нее проголосовали. Вот и все. Она была достойна этого и получила место.

– Я думаю, это потому, что ты ее тренировал, – заметил Штукарь беспечно.

Черт, этот чародей ничего не упускал. Шакал на мгновение искоса глянул на него. Штукарь снисходительно и небрежно улыбался.

– Да, – признался Шакал. – Хотя это была ее идея, в некотором роде. Мы с Овсом просто продолжили то, что уже было начато… от чего Блажка не могла отказаться. – Ему не слишком хотелось об этом рассказывать, но он поймал себя на том, что не может остановиться. Его языком руководило чувство вины, как будто рассказ о достижениях Блажки мог сгладить его вину за жестокие слова.

– У Ублюдков когда-то был старый трикровный. Певчий. Он был ветераном Нашествия, одним из основателей копыта, и ему Ваятель доверял больше, чем всем остальным. Мать Овса, Берил, была его койкогрелкой, хотя правдивее будет сказать, что это он ей грел койку. Когда он не уходил в патруль и не выполнял поручений вождя, Певчий проводил время в приюте. Он стал нам отцом, которого у нас никогда не было. Мы называли его Печным, потому что его имя было слишком сложным для малышей. Конечно, он души не чаял в Овсе, ведь он был трикратом и сыном Берил. Но Овес был неразлучен со мной и с Блажкой, да Певчий и не был против. Он помаленьку нас учил, и чем старше мы становились, тем больше: показывал, как ухаживать за свинами и за оружием, рассказывал про копыто и про тяжаков, про их язык. Мы были юны, но он готовил нас к тому, чтобы стать Ублюдками. По крайней мере, готовил двоих из нас.

Нам было лет по восемь-девять, когда он бросил вызов Ваятелю, чтобы занять место вождя. Мы никогда толком не знали, почему он швырнул топор. Другие его поддержали, но их было недостаточно. Вызов провалился. Ублюдки, которые его поддержали, убрали свои топоры и взмолили Ваятеля о пощаде. Но только не Певчий. Как зачинщик, он был обязан встать перед пнем и позволить Вождю метнуть свой топор. Так предписывает наш кодекс. Ваятель проявил милосердие. Я думаю, в память о тех годах, что они с Певчим провели вместе на войне. Он позволил ему уйти в кочевники.

Жизнь потекла без него, все тем же чередом, и так прошло еще несколько лет. До того дня, когда мы с Овсом пришли в Горнило, чтобы стать сопляками, оставив Блажку в Отрадной. Она в ту же ночь сбежала. Берил пришлось умолять Ваятеля послать ездоков, чтобы ее нашли. Они вернулись в тот же день. Мы с Овсом пошли с ней повидаться. Она сказала, что собирается найти Певчего, чтобы он смог закончить ее обучение, и тогда она станет ездоком. Она уже тогда была своевольной, и мы знали, что если она сказала, то так и сделает. Поэтому мы с Овсом пообещали научить ее всему, что сами умели, лишь бы она не уходила. Это была единственная причина – чтобы она осталась в безопасности. Вряд ли кто-то из нас всерьез об этом задумывался, но что нам было делать? Берил, может, и пережила бы еще один побег, но вождь уж точно нет. Искать ее во второй раз никто бы не пошел.

В те годы это было практически невозможно. Мы с Овсом почти не вылезали из Горнила, но Блажка была терпелива. – Шакал коротко рассмеялся. – Сейчас такое трудно представить. Тем не менее без нее жизнь шла иначе. Мы оба это чувствовали, и я, и Овес, поэтому пустая клятва превратилась в настоящую цель. Мы захотели, чтобы она вступила в копыто вместе с нами. Когда мы стали посвященными братьями, устроить это стало легче. Блажка не расслаблялась, пока мы служили сопляками, и управлялась с тренчалом лучше любого из нас. Но она не могла прятать свина в соломе, как прятала арбалет, поэтому верхом она ездила плохо. Мы тайком брали ее с собой в патрули в первый месяц после того, как стали Ублюдками. То, что у нас заняло восемь лет, она освоила меньше чем за три. Когда пришло время, мы с Овсом выдвинули ее. Еще с несколькими членами копыта мы были дружны. Мы выиграли голосование и заслужили гнев вождя, но это было неважно. Мы снова стали единым целым.

На берегу, будто по зову, появилась Блажка. Она помогла эльфийке выйти из воды, обе были мокрые. Тонкие ржаво-бурые руки и ноги эльфийки резко контрастировали с зеленым телом Блажки, состоящим из сплошных мышц. Они быстро вышли из фиговой рощи, где Блажка начала рыться в мешках у себя на седле, ища сухую одежду.

– Она красивая, – проговорил Шакал, наблюдая за ней. Женщины стояли достаточно далеко, чтобы можно было смотреть, не слишком стыдясь. Тем более он и сам был голый. Что, несомненно, делало его взгляд менее навязчивым.

Штукарь проследил за его взглядом и кивнул, прежде чем снова отвернуться к реке.

С некоторым усилием Шакал последовал примеру чародея.

– Но свое копытное имя она получила не поэтому, – продолжил он. – Когда за нее голосовали, Ваятель сказал, что женщины хороши только для двух дел. Чтобы их трахать и чтобы они…

– Ублажали, – мягко закончил за него Штукарь. Он протянул руку и принялся разматывать промокшую шину на руке Шакала. Когда он заговорил снова, в его голосе слышалось сочувствие. – И сегодня ты ей об этом напомнил.

– Нет, – ответил Шакал, поморщившись от передавшейся ему горечи. – Она никогда об этом не забывала.

Глава 10

Шакал порадовался, что комната Делии находилась на первом этаже борделя. Ему совершенно не хотелось взбираться куда-то с больной рукой. Рана по-прежнему причиняла немалую боль, и теперь его время от времени стал мучить озноб, как при лихорадке. Притаившись в тени за окном, он слушал, как Делия ублажает двух солдат Бермудо. Когда кряхтенье и стоны хиляков стали интенсивнее, Шакал стиснул зубы. Притворные стоны самой Делии звучали приглушенно. Шакал старался не думать о том, чем был занят ее рот. У него за спиной, на окутанном ночью холме, Блажка, без сомнения, хищно улыбалась. Ну и пусть насмехается, лишь бы прикрывала его сзади!

Когда тяжелое дыхание стихло и сменилось напряженной тишиной комнаты, полной спящих, луна уже была высоко в небе. Делия всегда дожидалась, пока ее хахали уснут, прежде чем тихонько уйти мыться. Раньше она так делала и с Шакалом, когда он еще был простым полукровкой, платившим за щелку. Но уже лет пять он больше не слышал, чтобы она уходила. Теперь он уже не был липким вонючкой, от которого следовало избавиться при первой возможности. Именно по этой причине он сначала подошел к ее окну, прежде чем пробираться в комнату Санчо и требовать ответа, приставив нож к шее неряшливого бордельщика. Осторожно приподнявшись, Шакал заглянул в разбитое окно и стал ждать, когда знакомая фигура поднимется с нагруженной кровати. Как только там возник силуэт Делии, он тихонько шикнул. Опасность разбудить солдат была невелика. Девки, работавшие у Санчо, умели выжать из мужчин все соки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.